

Шейла Фицпатрик

Белые русские — красная угроза?

История русской эмиграции в Австралии

CoRpus

ИМКИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ.
ИЕ БЪЖЕНЦЫ ВЪ АВСТРА
шмокъ доставлень г. Масяновымъ).

Шейла Фицпатрик

**Белые русские – красная
угроза? История русской
эмиграции в Австралии**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

Фицпатрик Ш.

Белые русские – красная угроза? История русской эмиграции в Австралии / Ш. Фицпатрик — «Издательство АСТ», 2021

ISBN 978-5-17-152681-8

Русские в Австралии – этой необычной теме посвящена новая работа известного австралийского и американского историка Шейлы Фицпатрик. После Второй мировой войны именно Зеленый континент стал новой родиной для тысяч перемещенных лиц – людей, в годы войны разбросанных по Европе и по разным причинам не желавших возвращаться домой, в СССР. В свою очередь, австралийские власти стремились решить проблему нехватки рабочих рук в стране, поэтому сотрудничество, не будучи безоблачным или идеальным, все же было взаимовыгодным: тысячи людей погрузились на пароходы, чтобы отправиться в новую жизнь. Второй поток русских иммигрантов хлынул из Маньчжурии, где уже несколько десятков лет жила обширная русская диаспора, образовавшаяся во время строительства КВЖД. Но с приходом к власти китайских коммунистов русские были вынуждены покинуть насиженные места, и Австралия стала новым домом для многих из них. Эти путешествия были полны драматичных событий, подчас детективных поворотов, когда даже «самый обычный человек с большой вероятностью мог поведать самую необычную историю пережитых скитаний». В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-17-152681-8

© Фицпатрик Ш., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Введение	7
Часть I Перемещенные лица в Европе	25
Глава 1 Перемещение	25
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Шейла Фицпатрик

Белые русские – красная угроза?

*И если понесут тебя волны,
пусть твое тело несут
или дыхание и прочее —
ума не унесут¹.*

История русской эмиграции в Австралии
Перевод с английского Татьяны Азаркович

Памяти моего брата Дэвида Фицпатрика
(1948–2019)

---

¹ Марк Аврелий. Наедине с собой. XII 14. Перевод А. Гаврилова. (Здесь и далее подстрочные примечания переводчика, если не указано иное.)

Введение

Это история переселений. Но не история с добрым сюжетом, где переездом в другую страну люди стремятся переменить свою жизнь к лучшему, а отчаянная история, где беженцы, чья жизнь и так уже опрокинулась из-за войны и других бедствий, решаются на прыжок в неизвестность просто потому, что другая страна выдает им визу. Здесь рассказывается о русских, которые переехали в Австралию после Второй мировой войны. Война стала разрушительным взрывом, который силой сорвал большинство этих людей с насиженных мест и сделал их, выражаясь современным официальным языком, «перемещенными лицами» (*displaced persons*, DP, ди-пи). А еще речь здесь пойдет о русской революции 1917 года и о приходе к власти в Китае в 1949 году Коммунистической партии. Некоторые русские мигранты сохраняли советское гражданство вплоть до начала войны и оказались перемещенными лицами непосредственно из-за войны, а другие покинули Россию гораздо раньше, сразу после революции, и провели межвоенные годы в Европе или в Китае.

Примечательно, что поначалу Австралия была страной, которая приняла наибольшее количество русских перемещенных лиц – или, с советской точки зрения, украла их, – пока ее рывком не обогнали подключившиеся к этой гонке позже США, страна более крупная и многокультурная². Несмотря на это достижение (которого, похоже, никто в самой Австралии даже не заметил), русские составляли сравнительно небольшую долю в неслыханно обильном послевоенном притоке мигрантов небританского происхождения, хотя их численность и значительно превышала показатели, приводившиеся в официальной статистике. Опираясь на весьма ненадежные данные, можно было бы утверждать, что за период с 1945 по 1954 год из Европы и Китая в страну въехали приблизительно 20 тысяч русских, а к 1960 году из Китая их прибыли еще 5 000; таким образом, за пятнадцать лет после окончания Второй мировой войны в Австралию прибыли в общей сложности 25 тысяч русских иммигрантов³.

Какова бы ни была численность прибывших русских, сам состав этого контингента весьма любопытен. Во-первых, маршруты, которыми многим из них довелось добраться до берегов Австралии, отличались захватывающей сложностью и разнообразием: самый обычный человек с большой вероятностью мог поведать самую необычную историю пережитых скитаний, если бы только пожелал (впрочем, многие вообще не хотели ничего об этом рассказывать). Во-вторых, обманом присвоив себе иную национальность, предпочитали помалкивать о своем прошлом. И наконец, в-третьих, они приезжали в Австралию в ту пору, когда уже принимала очертания холодная война, и на словах они выказывали себя твердыми антикоммунистами, однако их не вполне отвергнутой родиной был Советский Союз – бывший союзник по Второй мировой, превратившийся в противника в новой холодной войне.

Русские оказались почти полными невидимками в потоке послевоенных мигрантов, прибывших в Австралию⁴. Отчасти это произошло потому, что они были менее многочисленными по сравнению с большими группами мигрантов того периода – поляков, югославов, итальянцев, – а отчасти из-за привычной скрытности тех русских, кто приезжал из Европы: они часто

---

² Согласно советским оценкам того времени, к 1 января 1952 г. Австралия приняла 5700 переселенных беженцев из общего числа 18 508 человек: В. Н. Земсков. «Вторая эмиграция» и отношение к ней руководства, 1947–1955 // *История российского зарубежья: эмиграция из СССР – России, 1941–2001* / Ред. Ю. Поляков и др. М., 2007. С. 7. Подробнее о количестве переселенцев см. ниже, в разделе «Статистические замечания».

³ Обоснование этих данных и обсуждение сложностей, связанных с этой статистикой, см. ниже, в разделе «Статистические замечания».

⁴ В классической работе Эрика Ричардса (Eric Richards. *Destination Australia: Migration to Australia since 1901*. Sydney: UNSW Press, 2008) русские иммигранты не упомянуты ни словом.

прибывали с паспортами других государств, а после приезда предпочитали не высовываться, опасаясь привлечь внимание советских или австралийских спецслужб.

В конце 1940-х и в 1950-е русские приезжали в Австралию главным образом из Европы и Китая. Европейский поток прибывал в основном из лагерей перемещенных лиц (ди-пи) в Германии, Австрии и Италии благодаря программе массового переселения, разработанной Международной организацией по делам беженцев (*International Refugee Organization, IRO*) в 1947 году и действовавшей до 1950–1951 года. Лагеря ди-пи создавались в Европе для людей, вынужденно покинувших родные края из-за Второй мировой войны (угнанных в трудовые лагеря или попавших в плен) и в итоге оказавшихся за пределами родных стран – Советского Союза (бывшие Прибалтийские государства были включены в состав СССР в 1939 году), Польши, Югославии и других стран Восточной Европы. На русских эмигрантов так называемой первой (довоенной) волны, покинувших родину сразу после большевистской революции 1917 года и известных также как «белые русские» (то есть антагонисты «красных»), мандат IRO поначалу не распространялся, поскольку они выехали из страны задолго до Второй мировой. Однако многим из них все-таки удалось получить статус перемещенных лиц и перебраться в Австралию вместе с остальными на бортах судов, зафрахтованных IRO.

Китайский поток составляли белые русские (различных национальностей), которые к моменту окончания Гражданской войны (около 1922 года) успели пересечь границу и обосноваться в Китае. Там выросло уже целое новое поколение, а многие и родились в Китае. Крупным местом их сосредоточения был Харбин в Маньчжурии – изначально русский город, основанный на рубеже XIX–XX веков, когда русские строили Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). В Шанхае, Тяньцзине, Даляне и других приморских городах Китая также осело много русских, в том числе и бывших офицеров-белогвардейцев из разгромленных войск (включая казаков из отряда атамана Семенова). С начала 1930-х до конца войны маньчжурские русские жили в зоне японской оккупации, после чего регион на короткое время оказался под советской оккупацией. Диаспоре в Шанхае с 1937 года довелось пережить непродолжительный период более мягкого японского правления, а после окончания войны там утвердилась американская администрация. Вторично покинуть насиженные места китайских русских вынудила не война – причиной стал рост враждебности китайцев после 1949 года, когда к власти пришли коммунисты.

История этих переселений тесно связана с холодной войной. Эта связь проявлялась и в самом процессе, который позволял мигрантам добраться до Австралии, и в отношении со стороны чиновников и местных жителей, с которыми переселенцы сталкивались по прибытии. В большинстве исторических работ, посвященных холодной войне, о миграции почти не говорится: чаще всего в центре внимания оказывается дипломатия высшего уровня, поиск сверхдержавами союзников и государств-сателлитов, а также страхи перед шпионами и врагами на собственных территориях. Но в любом обсуждении холодной войны как международного явления следовало бы затрагивать – как очень важную – тему миграции. Ведь мигранты могли оказаться переносчиками коммунистической заразы, особенно если их родным языком был русский. Кроме того, с советской точки зрения, *завладение* перемещенными лицами было одним из вопросов, вызывавших больше всего споров на начальном этапе холодной войны. Советский Союз желал заполучить обратно всех своих бывших граждан; когда же Запад отклонил это требование, а позднее и организовал переселение невозвращенцев в дальние страны вроде Австралии, власти СССР преисполнились негодованием из-за «кражи их людей». В глазах Запада никакой кражи не происходило, просто оказывалась гуманитарная помощь тем людям, которые, предположительно, «выбрали свободу» (таков был излюбленный оборот на Западе времен холодной войны) вместо жизни под пятой коммунистической диктатуры.

Не сумев заполучить «своих» перемещенных лиц, СССР переключился на другое направление – собирался покарать военных преступников среди тех, кто переселился в Австралию

и другие страны за пределами Европы. Как правило, речь шла о людях, которые не просто сражались под немецким командованием на фронтах Второй мировой, но были причастны к зверствам, чинившимся в отношении евреев и других гражданских лиц на советских территориях, временно оккупированных немцами. Австралия, как и другие страны, оказавшиеся в годы холодной войны на стороне Запада, выдавать таких людей отказывалась.

Социальные историки, как и историки холодной войны, уделяли мало внимания миграции, предпочитая изучать людей и общества в состоянии покоя, а не движения, однако с недавних пор, когда исследователи заинтересовались межгосударственными процессами, здесь все несколько изменилось к лучшему. С моей позиции социального историка, нет ничего более захватывающего, чем возможность проследить за тем, как отдельные люди приспособляются, а сообщества самоорганизуются, когда им приходится отрываться от родной или привычной среды, дожидаться переселения и наконец переселяться и укореняться на новом месте.

В прошлом я проводила исследование того, как люди в России заново выстраивали свою жизнь после русской революции и прекрасно справлялись с этой задачей, используя буквально то, что было под рукой, чтобы создать себе новые маски, которые в дальнейшем помогали им избегать опасностей и реагировать на открывавшиеся возможности⁵.

Еще раньше я изучала вертикальную мобильность общества после революции и те события, которыми русская деревня реорганизовывалась после коллективизации в начале 1930-х годов (и попутно меняла само значение понятия «коллективизация»)⁶.

Теперь же я впервые взглянула на людей в состоянии движения в межгосударственном пространстве, а значит, здесь затрагиваются такие темы, как перевоплощение личности, социальная мобильность (зачастую снижение статуса для представителей первого поколения мигрантов, если не для их детей) и самоорганизации сообщества в новой среде приютившей переселенцев страны. Толчком к этому исследованию послужило мое возвращение в Австралию в 2012 году после почти пятидесяти лет жизни вдали от родины.

В середине 1960-х, когда я уезжала из Австралии, будучи аспиранткой, миграция уже признавалась важной частью местной истории (да и как можно было этого избежать, если сама история Австралии понималась как история ее заселения белыми людьми?), однако мигранты-небританцы, в больших количествах прибывавшие на континент после Второй мировой войны, еще не сделались предметом значительного интереса исследователей. За время моего отсутствия и здесь произошли перемены, так как в 1980-е годы наступила эпоха мультикультурализма, но все равно акцент чаще всего делался на «вклад» в австралийское общество и культуру, сделанный различными группами иммигрантов. Сейчас миграция становится все более популярной темой в австралийской истории – особенно опыт, полученный мигрантами по прибытии сюда (обеспечение их жильем, работой, взаимоотношения с австралийцами, степень ассимиляции и так далее).

Предмет этой книги несколько иной. Опыт прибытия в чужую страну и первые попытки найти свое место в ней не начало, а лишь концовка моего рассказа о русских переселенцах. В центре моего внимания – различные пути и маршруты, которыми двигались русские мигранты, прежде чем оказаться в Австралии после окончания Второй мировой войны. Как и историка Джой Дамузи, автора работы о послевоенных мигрантах-греках⁷, меня интересует тот интел-

---

⁵ Шейла Фицпатрик. *Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века*. М., 2011. Ее же. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город*. М., 2008.

⁶ Sheila Fitzpatrick. *Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921–1934*, Cambridge University Press, Cambridge, 1979; Шейла Фицпатрик. *Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня*. М., 2001.

⁷ Joy Damousi. *Memory and Migration in the Shadow of War: Australia's Greek Immigrants after World War II and the Greek Civil War*, Cambridge University Press, Cambridge, 2015. Еще одна недавно вышедшая монография, оказавшаяся для меня очень полезной, так как речь в ней идет и о прибытии, и о скитаниях мигрантов, главным образом с точки зрения политики в отношении беженцев и сравнения их судеб, – это работа Клауса Ньюмана: Klaus Neumann. *Across the Seas: Australia's Response to Refugees: A History*. Melbourne, 2015. Перемещенные лица стали предметом рассмотрения недавно вышедших монографий

лектуальный «багаж», который привозят с собой мигранты (пусть даже сами они стремятся поскорее забыть о нем), в частности, их политический опыт и память о пережитом.

Политический «багаж», привезенный в послевоенные годы русскими иммигрантами, интересен и в чем-то противоречив. Все они прибывали как антикоммунисты, отказавшиеся возвращаться на родину, если они следовали из Европы, и бежавшие от установившегося коммунистического режима в Китае, если прибывали оттуда. Для белоэмигрантов из их числа этот антикоммунизм был заметной частью идейной общности, определявшей их группу. Но для тех, кто до войны имел советское гражданство и был оторван от родины против своей воли, например, оказавшись военнопленным или будучи угнанным как остарбайтер, все обстояло сложнее. Советские граждане-невозвращенцы так же энергично, как остальные, выражали нежелание репатрироваться, особенно те, кто скомпрометировал себя службой во власовской армии (Русской освободительной армии в составе вермахта), однако за этими протестами, вполне вероятно, скрывались более неоднозначные позиции.

Когда по окончании войны американские исследователи в Германии проводили масштабное интервьюирование перемещенных лиц (в рамках Гарвардского проекта по изучению советского общественного строя), опрашиваемые выказывали резко антисоветские политические взгляды. Но когда речь заходила о социальных институтах, беженцы выражали совсем другие мнения. Несмотря на обличения советского строя в целом, они, как правило, положительно оценивали предоставление бесплатных медицинской помощи и образования, причем отмечали, что последнее открывает людям возможность проявить свои лучшие способности и качества и самостоятельно продвинуться по общественной лестнице; они также поддержали ряд советских ценностей – таких как равноправие, эмансипация женщин и отсутствие дискриминации по расовому и национальному признакам, и согласились с тем, что гордятся советскими экономическими и военными достижениями⁸.

Если предположить, что перемещенные лица, намеревавшиеся эмигрировать в Австралию, придерживались сходных взглядов с теми, кто собирался эмигрировать в Америку, то им наверняка была присуща подобная двойственность суждений. Конечно, едва ли можно было ожидать, что русский мигрант принялся бы рассказывать своим австралийским знакомым о системе здравоохранения в Советском Союзе, а его жена в разговоре с соседкой через изгородь стала бы описывать возможности, открывающиеся перед женщинами в СССР, – все это относилось к вещам того рода, о которых знают, но обычно не говорят. Но для историка и замалчивания могут представлять не меньший интерес, чем самые красноречивые описания.

Антикоммунизм

Антикоммунизм был заметной общей позицией, которая объединяла русских, приехавших в Австралию после войны, и, на первый взгляд, здесь все довольно просто. Если бы они хотели вернуться в Советский Союз, большинство вполне могло бы это сделать. Перемещенным лицам советского происхождения предлагали репатрироваться (а в некоторых случаях даже принуждали), независимо от их национальности, вероисповедания, состояния здоровья

Джейн Першиан (Jayne Persian. *Beautiful Balts: From Displaced Persons to New Australians*. Sydney: NewSouth, 2017) и Рут Балинт (Ruth Balint. *Destination Elsewhere: Displaced Persons and Their Quest to Leave Europe after 1945*. NY, Ithaca: Cornell University Press, 2022), в тесном сотрудничестве с которыми я работала в рамках программы *Discovery* Австралийского исследовательского совета (ARC), пока сама писала эту книгу.

⁸ Alex Inkeles, Raymond Bauer. *The Soviet Citizen*. New York: Atheneum, 1968; David C. Engerman. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*, New York: Oxford University Press, 2009. Pp. 51–69. Это заслуживает особого внимания, так как группа интервьюируемых лиц подбиралась волонтерами через сети ди-пи, где тон задавали активисты-антикоммунисты, и как среди тех, кто давал интервью, так и вообще среди советских перемещенных лиц были недостаточно представлены русские и избыточно представлены украинцы.

или даже наличия за плечами такого опыта, как пособничество врагу в годы войны⁹. В их числе были и люди с западных окраин СССР, получившие советское гражданство лишь в 1939 году, после того как Советский Союз насильно включил в свой состав их родные земли, находившиеся на территории Прибалтики, Украины и Белоруссии. Сделать именно такой выбор можно было еще спустя продолжительное время после массовой репатриации в 1945 году, когда Советский Союз предлагал бесплатный проезд и помощь в поиске жилья и работы всем перемещенным лицам, которые желали вернуться на родину.

Белые русские, которые эмигрировали раньше и провели межвоенные годы в Европе, не имели права вернуться на родину в рамках этой программы репатриации, однако Советский Союз активно заигрывал с представителями первой волны, особенно с армянами и белыми русскими, осевшими во Франции, убеждая их тоже возвращаться¹⁰.

В Китае под конец войны не имевшим гражданства русским представители советской власти предлагали получить паспорта, и в 1945–1946 годах происходила скромная по масштабам репатриация из Шанхая, а также обещались новые возможности после того, как будут преодолены текущие трудности, связанные с послевоенным восстановлением; и действительно, за первую половину 1950-х годов из Китая репатриировались десятки тысяч бывших эмигрантов. Учитывая наличие этих возможностей, можно с уверенностью предположить, что большинство русских все-таки сделали сознательный выбор в пользу переселения в чужую страну, отказавшись от возвращения на родину, и само это решение можно расценить как косвенное признание в антикоммунизме.

Безусловно, многие такие решения принимались действительно по причине неприязни к политическому и экономическому строю Советского Союза, но не стоит думать, что так было во всех случаях без исключения. Возможно также, что некоторые люди решали не возвращаться, сочтя, что лично для них существуют определенные риски. Что бы ни думали бывшие советские граждане о жизни в довоенном Советском Союзе, по опыту они наверняка знали, что людей, попавших в черные списки, не ждало там ничего хорошего, к тому же они прекрасно понимали, что одной из самых распространенных провинностей, за которые можно было попасть в неудобные, было наличие связей с капиталистическим Западом, а такие связи все перемещенные лица, вольно или невольно, уже имели. Во время войны Сталин весьма недвусмысленно дал понять, что всякий, кто попал в плен, тем самым сделался изменником родины и должен был, как только попадет в руки представителям советской власти, вместе со своими родными понести наказание. После войны об этих грозных заявлениях как будто забыли, однако и об амнистии не говорили.

В особую группу риска входило огромное количество советских военнопленных, которые во время войны надели немецкую форму и воевали под немецким командованием, пойдя на это или просто из желания остаться в живых, или из идейных соображений. В случае возвращения на родину их ждали обвинения в коллаборационизме. Даже те, кого силой угнали на работу, не могли быть уверены в том, что их поведение на территории Германии будет сочтено безупречным. Кроме того, было много тех, кого в действительности не угоняли в Германию силой, а они сами воспользовались отступлением немцев в 1944 году, чтобы вместе с ними покинуть Советский Союз.

Как выяснил психолог, интервьюировавший перемещенных лиц родом из СССР в рамках Гарвардского проекта, многие невозвращенцы независимо от их идейной ориентации или

---

⁹ О довольно удивительном отсутствии дискриминации в советской политике репатриации см.: Sheila Fitzpatrick. *The Motherland Calls: «Soft» Repatriation of Soviet Citizens from Europe, 1945–1953*, *The Journal of Modern History*. 2018. Vol. 90, no. 2.

¹⁰ Joanne Laycock. *The Repatriation of Armenians to Soviet Armenia, 1945–1949 in Warlands: Population Resettlement and State Reconstruction in the Soviet – East European Borderlands 1945–1950*, Peter Gatrell and Nick Baron (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2009.

тоски по родине признавались, что лично для них, как для людей, оказавшихся на Западе под опекой финансирувавшейся преимущественно США и имевшей антикоммунистическую направленность международной организации (IRO), дорога назад, к нормальной советской жизни, была попросту закрыта¹¹. Так, Лоренц Селенич никогда не думал о репатриации, хотя сам был социалистом и не придерживался по-настоящему антисоветских взглядов, но, по мнению СССР, он стал коллаборационистом, как только его захватили немцы и он, чтобы остаться в живых, согласился служить у них¹².

В 1947–1948 годах по мере того, как нарастала холодная война, мигранты, надеявшиеся на то, что отборочные комиссии в Европе, задействованные в программах массового переселения беженцев IRO, одобряют их кандидатуры, должны были заявить, что не являются коммунистами, так что эти их признания вовсе не всегда заслуживают доверия. В лагерях для перемещенных лиц, где действовало чаще всего самоуправление, царили резко антикоммунистические настроения, и те, кто в конце 1940-х годов все-таки репатрировался из Германии в Советский Союз, часто сообщали о том, что им приходилось тщательно скрывать и то, что желали вернуться на родину, и то, что отнюдь не разделяли антикоммунизм и антисоветские взгляды. Они были вынуждены так поступать из страха перед лагерными заправилами¹³. Конечно, именно такие объяснения и желали услышать в СССР, однако есть и достаточно много свидетельств того, что эти рассказы были правдивы.

Было и то, о чем предпочитали не говорить, потому что союзники не хотели этого слышать, а СССР не желал этого признавать, а именно, что за нежеланием возвращаться стояли и соображения экономического характера. Даже в состоянии послевоенной разрухи Германия производила впечатление страны, в которой в мирное время уровень жизни был куда выше, чем в Советском Союзе. Благодаря щедрости IRO и оккупационных властей беженцам в лагерях перемещенных лиц жилось хорошо, им даже выдавались лучшие пайки, чем самим немцам. Многие сочли благоразумным поначалу остаться в лагере, а потом, когда IRO и оккупационные власти готовились покинуть Германию, принять предложение IRO о бесплатном переезде в другую страну, чтобы строить там новую жизнь, – желательно в Северную Америку, где, как всем известно, улицы вымощены золотом, или в какие-нибудь другие края, вроде Латинской Америки или Австралии, о которых знали куда меньше.

Китайские русские прибыли другим, но не менее замысловатым путем. Несмотря на яростный антикоммунизм изначального белого поколения, в годы Второй мировой многие стали болеть душой за победу СССР, а по окончании войны не захотели и дальше оставаться лицами без гражданства и приняли предложение о получении советских документов. В Харбине множество русских детей и подростков выучились в хороших советских школах и частично советизировались. У многих русских были родственники, вернувшиеся в Советский Союз, и хотя рассказы возвращенцев не всегда обнадеживали, большинство остававшихся в Харбине рано или поздно сами задумывались, не вернуться ли им тоже. Если австралийцы видели в русских иммигрантах из Китая беглецов от коммунизма, то сами иммигранты, судя по их позднейшим воспоминаниям, смотрели на дело иначе. Даже те русские, кто придерживался твердых антисоветских взглядов, не винили в своем отъезде из Китая международный коммунизм; они объясняли его внутренней политикой Китая (существенно отличавшегося от СССР, хотя теперь тоже коммунистического), решившего, что хватит уже терпеть у себя такое количество иностранцев.

---

¹¹ Eugenia Hanfmann, Helen Beier. *Six Russian Men – Lives in Turmoil*. MA, Quincy: The Christopher Publishing House, 1976.

¹² Интервью с Алексом Селеничем в Мельбурне, 8 марта 2016 г.

¹³ См. интервью с репатриантами из Европы, собранные в СССР в 1949–1950 гг., которые приводятся в: Sheila Fitzpatrick. *The Motherland Calls...*

Кто такие русские?

За понятием «русские» скрывалось очень разное содержание. Во-первых, Российская империя была государством многонациональным, там издавна жили не только русские, но и множество других народов. После революции Россия стала Советским Союзом, русские составили там самую многочисленную этническую группу, а русский продолжал играть роль языка межнационального общения. Но в СССР проживали и другие славянские народы (украинцы и белорусы, причем некоторые из них, осложняя и без того запутанную картину, в период между двумя мировыми войнами были гражданами Польши), а также евреи и различные мусульманские этнические группы с окраин империи – среди прочих татары, буряты и калмыки. (Некоторые из этих этнических групп не прошли бы тест в рамках политики «Белая Австралия»¹⁴, если бы привлекли внимание австралийского департамента иммиграции, но они его, похоже, не привлекли.) До революции государственной религией Российской империи было православие. После революции все религии – православие, католичество, протестантизм, иудаизм, ислам – утратили в Советском Союзе былое значение, одинаково подвергшись официальной опале, но одновременно в русской эмигрантской диаспоре в Европе и Китае религиозная принадлежность сделалась важным опознавательным знаком.

Значило ли «русский» то же самое, что «советский»? С советской точки зрения конечно нет: русские были всего лишь одной из многих национальностей, какие мог иметь советский гражданин. Но австралийские статистики, классифицируя население по таким параметрам, как «место рождения» и «национальность», часто трактовали две эти категории как взаимозаменяемые. Вплоть до 1954 года в графе «место рождения» могли писать либо «Россия», либо «Советский Союз» (но не «Украина»); а единственным определением для национальности иммигрантов, прибывших до войны, было собирательное понятие «русский», использовавшееся как синоним «советского» наряду с понятием «лицо без гражданства». А затем в качестве реверанса в сторону украинского национализма чиновники ввели дополнительные категории: «Украина» и «украинец», которые ранее просто поглощались категориями «Россия / Советский Союз» и «русский», тем самым пусть непреднамеренно, но безмерно затруднив дальнейшую обработку статистических данных переписи¹⁵.

Православие не фигурировало в категории «религия» в австралийских переписях населения до 1954 года, когда внезапно оказалось, что эту веру исповедуют 80 тысяч охваченных переписью человек, причем большинство из них, предположительно, являлись послевоенными иммигрантами из Греции, Югославии и России / Советского Союза. К сожалению (для нас, с точки зрения наших задач), никакого различие между греческой, сербской, русской и украинской православными церквями не проводилось. Между тем в жизни австралийских общин прихожане греческой и русской православных церквей относились к совершенно различным группам иммигрантов (греки, в больших количествах прибывшие в Австралию в первые послевоенные годы, были обычными иммигрантами, а не перемещенными лицами, приезжавшими

---

¹⁴ «Белая Австралия» – политика, проводимая властями Австралии с начала XX века и на протяжении нескольких десятилетий, целью которой было сохранение преимущественно европейского населения на континенте. (Прим. ред.)

¹⁵ Это было отступлением от общего правила, согласно которому, местом рождения указывалось международно признанное независимое национальное государство, каковым Украина не была ни в тот момент, ни когда-либо ранее, по крайней мере, если не считать возникшего в XI веке государства Киевская Русь, которое со временем постепенно преобразилось в Московскую Русь. Причина, по которой австралийские статистики приняли такое решение, неизвестна, но, вероятно, они просто последовали примеру международных организаций по делам беженцев и западных оккупационных режимов в Германии, которые, немного поколебавшись, уступили настояниям украинцев из числа перемещенных лиц и представителей украинской диаспоры, которые требовали, чтобы понятие «украинец» считалось национальностью и вписывалось в удостоверения личности перемещенных лиц – по аналогии с принятым ранее понятием «еврей», несмотря на то, что никакого независимого национального государства Украина не существовало (как и еврейского государства до 1948 года).

в страну в рамках организованной IRO программы массового переселения) и, по-видимому, совсем мало соприкасались между собой. Но между другими ветвями православия – русской, сербской и украинской – существовало сложное, пока еще малоизученное взаимодействие.

Пусть русское православие и служило мощной силой, которая объединяла русскую общину, появившуюся в Австралии в послевоенные годы, оно отнюдь не было столь монолитным, как может показаться со стороны. Если священники из европейских лагерей перемещенных лиц, создававшие первые послевоенные приходы в Австралии, были антикоммунистами, рукоположенными в Европе антисоветской и антикоммунистической Русской православной церковью за рубежом (РПЦЗ), то священники, приехавшие вместе со своей паствой из Китая, незадолго до того оставались в юрисдикции Московского патриархата, то есть официальной советской церкви.

Пожалуй, австралийские чиновники были по-своему правы, не желая тратить слишком много сил на попытки установить, что же все-таки скрывается за словом «русские». Из-за различных потрясений, случившихся в XX веке, этот вопрос стал чрезвычайно сложным и запутанным, и нередко разумнее было просто считать, что если сам человек называет себя русским, значит это правда. Но если мы хотим понять, что же все-таки стояло за утверждениями людей о своей «русскости», нам необходимо разобраться в хитросплетении факторов, которые не только в одночасье изменяли национальную принадлежность людей, но в разное время и в разных местах побуждали мигрантов объявлять себя русскими (или, напротив, указывать иную национальную принадлежность).

Рассмотрим случай Николаюков – русскоязычной семьи послевоенных иммигрантов из Европы, которые в Австралии считали себя в первую очередь русскими, хотя в вопросе национальной идентичности им было из чего выбирать. Иван Николаюк родился в 1911 году в селе неподалеку от Белостока – города, находившегося тогда в Гродненской губернии Российской империи, затем отошедшей к Польше. Николаюки были крестьянами и считали себя русскими, хотя члены семьи говорили и на местном украинском диалекте. Они посещали русскую православную церковь, дети ходили в русскую школу. Когда началась Первая мировая война, семью разбросало кого куда по дальним российским губерниям; воссоединилась родня в 1921 году в Бресте, где вырос Иван, – городе, который раньше был российским, а затем сделался польским. Новое Польское государство принялось проводить политику ополячивания, ввиду чего жителям стало невыгодно объявлять себя этническими русскими, но Иван, поступив в Варшавский университет, тем не менее не стал отрекаться от своего русского происхождения¹⁶. Выбор у него был – он мог назваться украинцем: фамилия у него была украинская, и в ту пору своей жизни Иван довольно много читал по-украински, брал книги из украинской библиотеки националистического общества «Просвіта» («Просвещение»). Но украинские сепаратисты оттачивали его «своей ограниченностью и ненавистью ко всему русскому», поэтому он записался русским¹⁷.

Весной 1940-го, когда эта территория отошла к СССР, польские паспорта начали заменять на советские, и на сей раз Иван назвал себя белорусом и указал белорусский /польский вариант своего имени – Ян. Свой расчет он строил на том, что в Бресте не имелось белорусских политических организаций, поддерживавших белых, и потому уменьшался риск, что его примут за белого русского или за украинского националиста. В 1941 году, когда эти земли оккупировали немцы, снова пришла пора менять паспорта. Имя Ян он оставил, как и предположительно белорусскую национальность, потому что «чиновниками, отвечавшими за процесс

¹⁶ Ivan Nikolajuk. Memoirs... P. 23, архив Ивана Николаюка.

¹⁷ Ibid. Pp. 23, 44. Стоит отметить, что в польских паспортах, как и в паспортах СССР и других государств Восточной и Центральной Европы в первой половине XX века, имелась отдельная графа «национальность», и чаще всего там значилось: поляк, русский, украинец, белорус или еврей.

паспортизации [от имени немцев], были поляки», и Иван «счел, что так будет безопаснее»: к белорусам поляки относились с меньшей подозрительностью, чем к украинцам и русским.

Под конец войны, когда Иван уже как перемещенное лицо находился в Германии в лагере Мёнхегоф (где преобладали белые русские, участники антикоммунистического Народно-трудового союза, НТС), он сразу назвал себя русским без гражданства и бывшим жителем Польши, которого немцы угнали в Германию в качестве рабочей силы. Он не пожелал признаваться, что вырос в Бресте, потому что тогда советская сторона отнесла бы его к советским гражданам и попыталась бы репатриировать. К тому времени Иван уже был женат, и его жена Ядвига была полькой по национальности – так, во всяком случае, я подумала, пока не познакомилась с Николаюками поближе. «Здесь все чуточку сложнее!» – сообщил мне Юра Николаюк. Ядвига родилась в польскоязычной семье, ее мать происходила из обедневшей польской знати, да и саму ее крестили по католическому обряду, но ее отец, несмотря на польское имя, ходил в русскую православную церковь, и Ядвигу, как и старшую сестру, предположительно могли тоже крестить в православную веру по договоренности между ее матерью и местным католическим священником¹⁸.

Когда настало время уезжать из Германии в Марокко, Иван Николаюк взял с собой документы, в которых был записан поляком, хотя он выбрал страной для переселения Марокко потому, что там уже обосновались его русские друзья из лагеря Мёнхегоф. Спустя пять или шесть лет, решив перебраться в Австралию, он поехал туда уже как русский, и там его первыми знакомыми тоже были другие русские из Мёнхегофа. Его жена, полька, перейдя в Марокко из католичества в православие, окунулась в приходскую жизнь русской православной церкви в Мельбурне (а после смерти Ивана прожила три года в русском православном монастыре)¹⁹. Их сын Юра вырос русским австралийцем.

Это, пожалуй, пример крайней сложности, связанной с понятием «русские». Но при желании подобные сложности можно обнаружить даже в биографиях тех русских, чьи семейные истории не столь причудливы. Как и Иван Николаюк, многие из русских, иммигрировавших после войны в Австралию, были родом с западных окраин Российской империи. В тех краях жили вперемешку русские, украинцы, белорусы и евреи, границы между Польшей и Россией (Советским Союзом) периодически передвигались, и многоязычие было самым обычным делом. Это означало, что и отдельные люди, и целые семьи могли с полным правом объявить о своей принадлежности более чем к одной национальности, причем на их выбор в разное время влияли политические обстоятельства. Александр и Алена Захарченко (в Австралии свою украинскую фамилию они стали писать на польский лад – *Zacharczenko*) происходили из приграничных земель Российской империи, оба были из смешанных русско-украинских семей. Они поженились в лагере украинских перемещенных лиц и, скорее всего, приехали в Австралию как украинцы, но, обосновавшись на новом месте, сами все-таки ощущали и называли себя русскими²⁰.

Таня Чижова родилась в Винницкой области Украины, ее мать была чешкой, а отец – наполовину русским, наполовину украинцем, и она с детства привыкла молиться по-чешски, при отце говорила дома по-русски, а с его родней общалась по-украински²¹. Оказавшись в Австралии, она тоже ощущала себя русской (и преподавала в университете на кафедре русского языка и литературы).

Украинско-русский сплав встречался очень часто и был одним из самых неопределенных, поскольку изрядная доля населения той территории, которая сейчас зовется Украиной, гово-

¹⁸ Ibid. Pp. 98, 129, 166; электронное письмо от Маргариты и Георгия Николаюков, 23 марта. 2020 г.

¹⁹ Ivan Nikolajuk. Op. cit. P. 243; интервью с Георгием Николаюком в Бинаке, штат Виктория, 26 и 27 августа 2019 г.

²⁰ Интервью с Кристианом Айрлендом (внуком Николаюков) в Берлине, 3 ноября 2015 г.

²¹ *Австралиада*. 2004. № 38. С. 39.

рила по-русски и официально относилась к русской национальности. (Это было не результатом какой-либо политики русификации, а последствием миграции крестьян, искавших работу, из перенаселенных центральных российских губерний. У русских, белорусов, поляков и евреев, живших в советские времена на территории УССР, в соответствующей графе паспорта значилась именно эта национальность, точно так же, как у украинцев, живших в РСФСР, было написано «украинец».)

Поскольку в межвоенные годы украинское (и белорусское) население оказались по разные стороны границы между Польшей и СССР, украинцы, выросшие по одну сторону этой границы, получили совершенно иной социальный опыт, нежели выросшие по другую сторону. Польская Западная Украина породила самых яростных украинских националистов и антикоммунистов. Их влияние продолжало ощущаться и в послевоенной австралийской диаспоре, отчасти потому, что многие новые приходы Русской православной церкви возглавили священники родом с Западной Украины²².

Поскольку в Российской империи было много территорий с преобладанием нерусского населения (крупнейшие из которых, как Украина и Казахстан, сделались национальными республиками в составе Советского Союза), довольно многие русские родились и выросли за пределами собственно России.

В советском паспорте Евгения Шевелева, бывшего советского гражданина, мигранта из числа перемещенных лиц, прибывших в Австралию после войны, в графе «национальность» значилось «русский». Евгений родился в (советском) Казахстане, затем жил и работал на (советской) Украине, а потом началась война, и немцы угнали его в Германию; так он оказался на том пути, что привел его сначала во французский Иностранский легион, а затем в Австралию.

Другой пример – Кузьма Муратида. Кузьма родился в семье русскоязычных этнических греков, то есть принадлежал к одному из малых народов, которые издавна жили на юге России и имели несчастье подвергнуться массовой депортации в советскую Среднюю Азию (наряду с несколькими другими этническими группами, чья лояльность советскому режиму в 1940-е годы была поставлена под сомнение). В 1947 году, когда Кузьма был подростком, его семья получила разрешение репатриироваться в Грецию. Но в итоге историческая родина оказалась для Муратида чужой страной, оттуда семья решила эмигрировать в Австралию, куда они прибыли в качестве греков-мигрантов. Однако юный Кузьма не желал отказываться от своего русского культурного наследия, в начале 1950-х годов посещал Русский общественный клуб в Сиднее и мечтал вернуться на родину, в Советский Союз²³.

В Прибалтике – Латвии, Литве и Эстонии, бывших частями Российской империи до окончания Первой мировой войны и входивших в состав Советского Союза после Второй мировой, также в течение короткого периода с 1939 по 1941 год, – возникали всевозможные национальные гибриды. До революции там десятилетиями жило так много русских (а также поляков, немцев и евреев), что в художественной и интеллектуальной истории латвийской столицы даже появились самодостаточные этнические образования: «русская Рига», «немецкая Рига» и так далее. Но были и смешанные браки, поэтому множество людей после возникновения независимых балтийских государств в начале 1920-х годов получили латвийские или литовские паспорта, но при этом сохранили языковые и культурные связи с русской, немецкой, еврейской или польской общиной своей новой страны, а иногда с несколькими сразу.

Для русских, родившихся или выросших в Латвии, часто оказывалось безопаснее всего объявить себя латышами, когда они оказывались в роли перемещенных лиц или австралий-

---

²² См. главу 7.

²³ ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6с. Д. 890. Л.73 (Шевелев); Д. 888. Л. 218 (Муратида).

ских иммигрантов, однако позже, по прибытии в Австралию, они чаще всего прибывали не к латышской общине, а к русской²⁴.

Многие из будущих австралийских русских иммигрантов были полукровками – наполовину русскими, наполовину прибалтами. Родившийся в Эстонии от брака эстонки с русским Флавий Ходунов мог бы считать себя эстонцем, если бы его мать не умерла, а отец не женился бы во второй раз на русской. В 1947 году в возрасте двадцати лет он приехал в Австралию, куда за ним последовала его невеста Василиса (вместе с родными), и их брак, заключенный в 1950 году, явно подкрепил его «русскость».

Сигизмунд Дичбалис – с его совершенно нерусскими именем и фамилией – родился в Петрограде. Его отцом был литовец (он вскоре пропал без вести), а матерью – женщина или русская, или смешанного русско-польского происхождения, воспитавшая сына при участии своей матери хорошим русским советским мальчиком²⁵.

Немецко-русские семьи тоже не были редкостью в Прибалтике или в Восточной Европе, поскольку многие эмигранты происходили из старинных российских династий с немецкими корнями, ведь немцы стояли некогда у истоков служилой знати, создававшейся в России XVIII века Петром I и его преемниками. Братья Доннеры, Николай и Андрей, активные участники русского скаутского движения в Аделаиде, родились в семье обрусевших немцев в Словении и выросли в Югославии.

Георгий Кёниг родился на территории, в ту пору принадлежавшей Румынии (а теперь Украине), в семье австрийца-католика и украинки, в чью униатскую веру отец перешел после женитьбы. Сам Георгий женился на русской девушке (хотя и родом из Белоруссии) в лагере перемещенных лиц, перешел в русское православие и стал называть себя на русский манер Георгием Ивановичем²⁶.

Алексей фон Саблер родился в дворянской семье обрусевших немцев, которая после революции жила в Эстонии и являлась частью русской белоэмигрантской среды. Его история была совсем простой по сравнению с происхождением его жены Валентины Кинкман, которая родилась в 1910 году в Ташкенте. Ее отцом был эстонец, зубной врач, а мать называла себя русской княгиней, принадлежавшей по вероисповеданию к иудеям-караимам. После революции семья Валентины переехала в Эстонию, где она в свое время встретила Алексея и стала его женой. После их переезда в Австралию в 1950 году Валентина повторно вышла замуж – на сей раз за мигранта из Югославии Соболича и, взяв его фамилию, завела литературный салон, известный тем, что там поддерживались культурные традиции русской интеллигенции²⁷.

Жизненные обстоятельства людей со схожими биографиями давали им довольно богатый выбор при определении своей национальной идентичности. Это играло важную роль в управлявшихся IRO лагерях перемещенных лиц, где практически ни у кого не было ни паспортов, ни других удостоверений личности, и человек, по сути, мог выбрать или придумать

²⁴ Оперный певец Иван Корнилов и его жена Элеонора Богданова, обрусевшая полька, считали себя русскими, но, оказавшись в статусе перемещенных лиц в Европе и опасаясь принудительной репатриации, назвали латвийцами на основании того, что прожили несколько лет в Риге. По прибытии в Австралию они просто снова сделались русскими (О. И. Ициксон. Воспоминания о двух выдающихся певцах // *Австралиада*. 2011. № 68. С. 8а). На страницах «Австралиады» появляются и другие русские уроженцы Латвии – например, Николай Гороховников (Там же. 2002. № 31. С. 25), Евгений Осипов (Там же. 1997. № 12. С. 28) и Сергей Ребиков (Там же. 2008. № 54. С. 34), они фигурируют там как члены местной русской общины, однако их фамилий нет в нашей базе данных со списками русских пассажиров, прибывавших из Европы, – вероятно потому, что при выезде оттуда они назвали латвийцами.

²⁵ Наталия Жуковская. Флавий Федорович Ходунов // *Австралиада*. 2013. № 77. С. 32; Сигизмунд Дичбалис (А. Дубов). *Детство, отрочество, юность*. СПб., 1995. С. 89–96.

²⁶ Николай Николаевич Доннер // *Австралиада*. 2001. № 27 С. 40; Наталия Жуковская. Николай Николаевич Доннер // Там же. 2011. № 68. С. 36; Она же. Георгий Иванович Кёниг // Там же. 2013. № 77. С. С. 33–34.

²⁷ *Истории русских в Австралии*. Сидней, 2013. Т. IV. С. 113; Н. Грачева-Мельникова о Ксении Мейснер // *Австралиада*. 1997. № 13. С. 17, Нелли Митчелл. Ксения Мейснер // Там же. 2010. № 65. С. 18–20; R. H. Morrison. Valentina Georgievna Szobovits // *Russians in Australia*. Melbourne: University of Melbourne, 1984.

себе любую национальность, потому что у сотрудников IRO не было никаких способов проверить правдивость его слов (им приходилось полагаться на переводчиков из числа самих ди-пи, которые едва ли стали бы выдавать своих товарищей по несчастью, даже если бы им довелось подслушать, что человек, объявивший себя поляком или югославом, на самом деле русский).

Среди русских, оказавшихся в европейских лагерях перемещенных лиц, сомнительные заявления о национальной принадлежности были настолько часты, что их можно считать нормой. Но больше всех остальных к обману при заявлении о своей национальной принадлежности были склонны этнические русские и/или бывшие советские граждане. Белым русским часто приходилось скрывать, что в годы войны они сотрудничали с врагом, а бывшие советские граждане опасались принудительной высылки на родину в случае, если раскроется их настоящее происхождение.

Между тем с 1946 года западные союзники сообщали СССР, что в их лагерях больше нет русских, которых можно было бы репатриировать, и неявным образом побуждали русских, которые на деле еще оставались в лагерях, прибегать к маскировке. Так, большое количество русских, достигших берегов Австралии, прибыли туда под видом поляков, югославов, украинцев, чехов, латышей, литовцев и так далее – порой под вымышленными именами. По большей части эти люди выдумывали себе новые личности сами (раздобыть в лагерях ди-пи фальшивые документы было легче легкого), но за некоторых это делали другие: мы имеем в виду русских или бывших советских перемещенных лиц с сомнительным политическим прошлым. СССР считал их военными преступниками, так как они работали после войны на разведку стран-союзниц, и потому в Австралию их переселяли тайно, под эгидой IRO. Представители этой второй категории иммигрантов наверняка жили в страхе перед разоблачением, и у некоторых эти страхи сбылись в начале 1960-х, когда Советский Союз потребовал выдачи ряда военных преступников, осевших в Австралии. (Правительство Австралии ответило на эти требования отказом, но имена этих людей были опубликованы в прессе на иностранных языках.)

Даже невинные русские ди-пи, не имевшие на своей совести никаких военных преступлений, должно быть, чего-то побаивались, потому что очень многие из них в то или иное время переезжали из страны в страну с липовыми документами и чужой национальностью.

Китайским русским, как правило, было нечего скрывать, и потому они гораздо реже «вывешивали чужие флаги»; однако обстоятельства эмигрантской жизни в Маньчжурии, где весьма пестрое по этническому составу множество мигрантов и беженцев из разных уголков бывшей Российской империи проживало в крупных городах с преобладанием русского населения, вроде Харбина, наверняка привели к некоторому искусственному разбуханию числа православных по вере и русских по национальности (или русских эмигрантов при японской оккупации 1930–1940-х). Среди русских были коллаборационисты, сотрудничавшие с японцами – врагами Китая в пору войны. Правда этим коллаборационистам так и не представилась возможность с оружием в руках выступить против союзников.

Безусловно, самой активной политической силой в русской общине Китая в 1930–1940-е годы была Русская фашистская партия, симпатизировавшая японцам, но к послевоенному периоду Австралия уже утратила всякий интерес к прояпонским коллаборационистам, да и СССР никогда не пытался разыскать, вернуть на родину и покарать за военные преступления тех из них, кто перебрался в Австралию. Кроме того, китайские русские приезжали с уже сформированным коллективистским сознанием и готовыми институтами и традициями, переезжая целыми семьями и городскими кварталами, тогда как для европейских ди-пи были характерны разобщенность и ощущение шаткости своего положения.

При чем здесь я

У меня нет родственных связей с русскими иммигрантами послевоенной волны – ни с европейскими, ни с китайскими. Моей родней с обеих сторон были австралийцы в четвертом или пятом поколении, в основном шотландского и ирландского происхождения – потомки лавочников, трактирщиков и прислуги, приехавших на континент в середине XIX века. Мои родители отклонились от той жизненной прямой, по которой двигались их родственники, принадлежавшие к костяку мелкой буржуазии и ее низам, и сделали интеллектуалами левого толка, примкнув к особой социальной группе, которая в 1950-е годы занимала шаткое и маргинальное положение. Я росла в 1940–1950-е годы на восточных окраинах Мельбурна, и в частной школе, куда я ходила, не было детей переселенцев из числа ди-пи. Зато, что было нетипично для австралийцев того времени, мы жили в многоквартирном доме, где чуть ли не все соседи были евреями, беженцами из Европы, и говорили они на разных языках, которых я не понимала и не отличала один от другого. И вокруг этих соседских семей витала какая-то загадка: на вопрос, откуда они, они не могли дать четких ответов о собственной национальности или родине, и, что озадачивало еще больше, порой они обвиняли другие семьи из нашего дома в присвоении чужой национальности и чужой родины. Тогда я ничего из этого не понимала, но загадка так и осталась при мне.

В детстве меня раздражало, когда люди в трамвае говорили на иностранных языках, и в глубине души я считала, что такое нужно запретить (со мной согласилась бы Лига ветеранов²⁸, но мои родители скорее всего нет). Будучи социалистами, мои родители старались избегать предвзятых суждений о приезжих иностранцах. Но, будучи семьей с левыми взглядами, мы не симпатизировали перемещенным лицам, за исключением евреев. Мы придерживались мнения, что эти иммигранты, особенно с Западной Украины и из Прибалтики, с большой вероятностью могли быть в прошлом нацистскими пособниками, а следовательно, принадлежат к вражескому клану. Из китайских русских мы не знали никого, кроме Нины Кристесен, которая давно возглавляла отделение русистики Мельбурнского университета и иногда подвергалась политическим нападениям: ее муж Клем (основатель и редактор литературного журнала *Meanjin*²⁹) принадлежал к нашему кругу левых интеллектуалов. Отец Нины, полковник Максимов, ярый монархист-белогвардеец, приехавший в Квинсленд через Китай в 1920-е годы, жил в отдельном домике на краю сада Кристесенов в Элтеме³⁰, и, помню, я побаивалась и его самого, и его собаки.

Позднее, уже став историком-русистом, я не очень-то задумывалась о русских эмигрантах. Меня куда больше интересовали те русские, что остались жить в Советском Союзе. С начала 1960-х до конца 1980-х моими близкими друзьями из русских были советские граждане, москвичи, питавшие некоторую неприязнь к эмигрантам что первой, что второй волны. А в 1989 году, когда я встретила Михаила Даноса, моего будущего мужа, мне пришлось посмотреть на все это под иным углом. Миша родился в Риге, его отцом был венгр-эмигрант, а мать – латышка, а общими языками его родителей были русский, немецкий и (поскольку оба пели в опере) итальянский. После принудительного и краткосрочного (в 1940–1941 годах) обретения советского гражданства Миша оказался в зоне немецкой оккупации, и над ним нависла угроза призыва в войска СС, но он избежал этой участи, сделав весьма неожиданный

---

²⁸ *Лига ветеранов* и служащих *солдат* – австралийская организация, целью которой является помощь и поддержка служивших и служащих в вооруженных силах Австралии. (Прим. ред.)

²⁹ *Meanjin* (Мизэнджин) – аборигенное название местности, где позже европейские колонизаторы основали город Брисбен, столицу штата Квинсленд.

³⁰ *Элтем* – пригород Мельбурна.

ход: уехал в Германию и стал студентом (будущим инженером) в Дрездене, где потом едва не погиб во время бомбежки города союзной авиацией. Затем он стал считаться перемещенным лицом (как латвиец он попал в категорию советских граждан, которых СССР требовал вернуть на родину, но поскольку западные союзники не собирались его никому передавать, это его не особенно тревожило) и в таком качестве при британцах закончил обучение в Ганновере, а потом, при американцах, защитил диссертацию по физике в Гейдельберге, после чего в рамках программы IRO переселился в США³¹. Если вместо США он выбрал бы тогда Австралию, то стал бы одним из тех самых послевоенных мигрантов, на которых так подозрительно поглядывали члены моего левацкого клана. Эта мысль служила мне полезным предупреждением, пока я писала эту книгу, рассказывающую о людях, которые стремились пережить эту войну, как только умели.

Источники

Историки, исследующие миграцию, вынуждены обращаться во множество архивов. Я начала с международных организаций, занимавшихся делами беженцев, – Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (*United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA*) с ее архивом в Нью-Йорке и Международной организации по делам беженцев (IRO) в Париже, потому что, приступая к работе над этой книгой, я все еще жила в США. Для этих международных бюрократических аппаратов перемещенные лица были коллективными объектами «заботы и содержания», а отдельным людям они уделяли внимание лишь тогда, когда те по каким-либо причинам создавали сложности. Затем настал черед Национального архива Австралии, особенно его фондов, посвященных иммиграции, где хранятся и списки пассажиров, и картотеки разведслужб.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) в Москве неожиданно подарил мне волнующее открытие – ряд донесений от внедренного агента советской разведки в Австралии, чья миссия состояла в том, чтобы уговаривать бывших советских граждан, переселившихся туда благодаря IRO, вернуться на родину. К материалам другого российского архива – Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), находящегося в Хабаровске, а именно к личным делам русских, живших в Маньчжоу-го при японской оккупации, – удалось получить доступ благодаря посредничеству Екатерины Хит, а в архиве Шанхайской муниципальной полиции, куда имеется доступ онлайн, обнаружили донесения о русской общине в Шанхае и о деятельности Русской фашистской партии в 1940-е годы. Завершали мой список служила мне полезным предупреждением, Британский национальный архив и Международная служба розыска (*International Tracking Service, ITS*) в Бад-Арользене, а также небольшие частные и ведомственные архивы в Великобритании, Германии и США.

Австралийская пресса той поры, когда приход кораблей из Европы и Азии все еще был в новинку, оказалась весьма ценным источником, ведь многие газеты спешили отправить своих корреспондентов прямо в порт, чтобы взять интервью у заинтересовавших их пассажиров. Все эти материалы доступны теперь онлайн благодаря чудесному ресурсу *Trove*, красе и зависти других стран. Чрезвычайно полезной оказалась и главная русскоязычная газета Австралии «Единение», еженедельно выходившая в Мельбурне с 1951 года, хотя из-за связи с конспиративной международной антисоветской организацией НТС и из-за твердой антикоммунистической позиции она, безусловно, позволяет получить довольно одностороннее представление о жизни русской общины в Австралии.

---

³¹ Его историю я рассказала в книге «Мишкина война: европейская Одиссея 1940-х годов» (*Mischka's War: A European Odyssey of the 1940s*. Melbourne: University Press; London: I. B. Tauris, 2015).

Ведомственные архивы очень полезны тем, что помогают понять, как формировалась политика и велись внутренние дискуссии между чиновниками, но разобраться в сути отдельных случаев они уже не позволяют. Для UNRRA и IRO отдельные люди оказывались «трудными случаями», в материалах ASIO³², БРЭМа и ГА РФ они являются объектами наблюдения, регистрации и убеждения, а в списках пассажиров, прибывавших в австралийские порты из Европы и Азии в послевоенные годы, мигранты предстают количественно измеримыми единицами, наделенными именами, возрастом, полом, национальностью, гражданством, вероисповеданием, семейным положением и профессией.

Но прежде чем взяться за работу над этой книгой, я написала книгу об одном-единственном перемещенном лице, хорошо мне знакомом – моем муже Мише, и потому я уже знала, насколько сложной и неоднозначной может оказаться судьба отдельного человека и совершенные им выборы. Я досадовала на то, что русские перемещенные лица, если только у них не было ярко выраженных политических взглядов или они не попадали в какую-нибудь беду, оставались для меня как бы в тумане, мне трудно было представить их как живых людей. Здесь очень помогали устные рассказы, опубликованные мемуары и семейные истории, особенно в случае китайских русских, которые рассказывали о своем прошлом откровеннее, чем ди-пи из Европы (причем не только в беседах с интервьюерами, но и со своими же родными)³³; а богатый частный архив, к которому меня любезно допустили Николаюки, позволил мне подробно ознакомиться с европейским маршрутом одной семьи, закончившимся в Мельбурне. Важными проводниками по миру русской общины стали для меня мои коллеги и друзья Мара Мустафина и Елена Говор, изнутри знавшие жизнь этой общины так, как мне и не снилось. Но лишь когда я взялась читать русскоязычный журнал «Австралиада – русская летопись», выходявший ежеквартально с 1994 по 2014 год, и прочла все до одного его выпуска, только тогда у меня появилось ощущение, что я наконец раскусила русских и научилась видеть их такими, какими они видят себя сами.

Разумеется, решение смотреть на человека его собственными глазами чревато своими подвохами. Многие публиковавшиеся в «Австралиаде» автобиографические и основанные на интервью биографические очерки показывали их авторов или героев ровно такими, какими те желали предстать перед публикой, и проверить правдивость их рассказов невозможно. Костяк редколлегии (главным редактором журнала долгое время была Наталья Мельникова) составили русские, приехавшие в Сидней из Харбина в 1957 году и затем начавшие вместе работать в русскоязычной школе имени Святого Николая на юге Сиднея. Затем к ним примкнули летописцы общины Татариновы – муж и жена, приехавшие из Шанхая в 1949 и 1951 году соответственно, и несколько представителей послевоенной волны иммигрантов из Европы, в том числе предводитель патриотической православной организации «Витязь» Анатолий Закрочимский и член НТС, являвшийся также редактором «Единения», Юрий Амосов. Все «европейцы» принадлежали к первой волне русских эмигрантов, бывших советских граждан из контингента перемещенных лиц среди них не было. Иными словами, журнал был ориентирован на харбинскую группу православного антикоммунистического крыла сиднейской русской общины, центром которой являлся Стратфилд, западный пригород Сиднея.

На страницах «Австралиады» оставалась практически невидимой намного более малочисленная группа русских с левыми взглядами, имевшаяся внутри сиднейской послевоенной диаспоры иммигрантов, – она вращалась вокруг Русского общественного клуба, в итоге обос-

³² ASIO (*Australian Security Intelligence Organization*) – Австралийская служба безопасности и разведки.

³³ Достойные внимания примеры – книги Гэри Нэша (Гэри Нэш. *Потерявшие родину. Семейная сага Тарасовых*. М., 2011) и Сэма Мошинского (Sam Moshinsky. *Goodbye Shanghai*. Melbourne Mind, 2009). Книга Мары Мустафиной (Mara Moustafine. *Secrets and Spies: The Harbin Files*. Sydney: Vintage Books, 2002), хотя это не просто семейные мемуары, а выдающееся историческое исследование, тем не менее она содержит бесценные сведения о сложной предыстории и разнообразном опыте семей Оникулов и Мустафиных.

новавшего в Лидкомбе, другом западном пригороде Сиднея. Среди многочисленных автобиографических и биографических очерков в «Австралиаде» перемещенные лица советского происхождения (или, по крайней мере, те люди, кто признавался в таком происхождении) были представлены скудно, а русские евреи вообще не рассматривались редакцией журнала как часть русской диаспоры. Иными словами, мои биографические источники грешат явной необъективностью коллективного характера, а также множеством индивидуальных погрешностей. Чем ярче и убедительнее отдельно взятая история, тем больше вероятности, что историк, поверив рассказчику, воспроизведет его предвзятые мнения и ложные допущения. Кроме того, возникала опасность, что целые куски чужого опыта и чужой жизни, которые мои источники просто оставляли за скобками, окажутся преданы забвению. Я пыталась исправлять эти перекосы, но иногда, ввиду отсутствия хоть каких-то источников, которые могли бы рассказать о недостаточно представленной группе или каком-либо неясном эпизоде, сделать это практически невозможно.

Критерии

Для любой истории очень важны начало и конец. С отправной точкой для этой книги сложностей не возникало: в первую очередь это разнообразные перемещения, с которых и начинались скитания, в итоге заканчивавшиеся в Австралии. Для некоторых людей, чьи судьбы я изучила, толчками к бегству из родных мест послужила Гражданская война в России, разразившаяся после большевистской Октябрьской революции (1917) и закончившаяся в начале 1920-х. Для других таким толчком стало начало Второй мировой войны (1941), а для иных – приход к власти коммунистов в Китае (1949). Выбрать дату окончания этой истории уже труднее. Меня интересовали странствия, завершавшиеся приездом в Австралию, но большинство европейских русских приехали сюда в период с 1947 по 1951 год, раньше китайских русских, приезжавших в первые послевоенные годы в относительно небольших количествах, а в более заметных – уже в 1950-е годы, причем это переселение – и его новые волны, и воссоединение семей с ранее уехавшей родней, – продолжалось вплоть до начала 1960-х.

Мне хотелось показать, в каком положении оказались русские мигранты после прибытия и что их здесь ожидало, чтобы дать представление о том, что значил для них переезд в Австралию, и в то же время не хотелось слишком углубляться в пусть и захватывающую, но уже совершенно отдельную историю о том, как два этих потока иммигрантов затем постепенно сближались и какого рода сообщества возникали от их слияния.

Я решила взять за ориентир антикоммунизм, за который столь упорно держались послевоенные русские мигранты, и деятельность спецслужб, неотступно следовавших за ними (главным образом разведки австралийской, но еще и советской, и в некоторой степени американской и британской), а заключить свой рассказ известным делом Петрова (1954).

Владимир Петров, живший в Канберре советский дипломат, попросил в Австралии политического убежища, и его бегство привело к созданию Королевской комиссии по шпионажу, вызвало потрясение в австралийской политике и дало русским иммигрантам возможность поднять свои антикоммунистические знамена и заявить о том, что они знают о коммунизме «изнутри». Хотя дело Петрова и оказалось в итоге лишь мимолетным эпизодом в истории иммигрантского антикоммунизма, оно тем не менее ознаменовало тот момент, когда русские иммигранты впервые шагнули из тени на свет и попытались сыграть хоть какую-то роль на политической сцене Австралии, а читатели австралийских газет, в свою очередь, впервые осознали, что среди множества нахлынувших в их страну в послевоенную пору «прибалтов» и других перемещенных лиц, говоривших с непонятными акцентами и носивших непроизносимые имена, есть, оказывается, и русские.

Отвечая на мучительный вопрос «кто такие русские?», я, прежде всего, придерживалась правила, что русские – это те, кто считает себя таковыми, особенно если они продолжают говорить по-русски и поддерживать какую-либо связь с русскоязычной общиной в Австралии. Для настоящей книги больше подходило бы слово «россияне», но его недостаток состоит в том, что такое определение практически невозможно выразить количественно, и оно не соотносится с официальными наименованиями национальностей, которые указываются в паспортах и других документах. Да и оно тоже подвержено изменениям, в зависимости от обстоятельств, как более чем наглядно показывает пример Ивана Николаюка: в разные моменты жизни один и тот же человек мог, даже нисколько не фальсифицируя факты своей биографии, называть себя русским или украинцем, русским или евреем и так далее. А множество людей по политическим или иным важным соображениям к подобным фальсификациям все же прибегали.

В моем рассказе фигурирует множество людей, причем обычно они появляются не однажды. Описывая какой-нибудь общий маршрут – например, выезд из Советского Союза в годы Второй мировой, – я стараюсь приводить целый ряд отдельных примеров (обычно речь о русских, в итоге эмигрировавших в Австралию), чтобы показать разнообразие обстоятельств и мотивов, которые могли заставить советского гражданина пересечь границу. Кто-то ехал добровольно, другие против своей воли; одни уезжали из-за сильной неприязни к советскому коммунистическому режиму, другие – потому, что сотрудничали с немецкими оккупантами и опасались расплаты в случае возвращения советской власти. Такова сознательная стратегия историка, желающего показать, какие сложные обстоятельства скрываются обычно за обобщениями.

При публикации исследований вроде этого, где речь заходит о сложных жизненных маршрутах в пору войн и больших потрясений, встает трудный вопрос: приводить ли настоящие имена людей, чьи судьбы описываются? Я думала об этом долго и мучительно, долго спорила на эту тему с моими дорогими коллегами Рут Балинт, Джейн Першиан и Жюстин Гринвуд и моей аспиранткой Эбони Нильссон, потому что и перед ними вставал тот же самый вопрос. В одной из статей, которую я писала, опираясь на материалы из советских архивов, о деятельности одного внедренного агента, уговаривавшего бывших ди-пи в Австралии репатрироваться в СССР, я в последний момент решила использовать только имена и первые буквы фамилий: мне подумалось, что родственникам тех людей, кого советская агентура пыталась завлечь на родину, но кто отказался возвращаться, может быть неприятно увидеть эту историю выставленной на всеобщее обозрение. Однако здесь уже не статья, а целая книга, и обилие всех этих полуфантомных Лидий С. и Иванов П. превратило бы ее в сущий кошмар для читателя. Кроме того, многие из героев рассказывали о своей жизни открыто, не утаивая своих настоящих фамилий, и даже с явной гордостью. Могла ли я как социальный историк, к тому же с некоторой склонностью к обнаружению «скрытых голосов», с чистой совестью вновь ввергнуть их в анонимность?

Возникал и другой вопрос: как быть с информацией, касавшейся сотрудничества с нацистами в Европе и с японцами в Китае и принадлежности иммигрантов к фашистской или коммунистической партиям, информацией, которая содержалась в личных делах или в материалах, добытых разведкой, и хранилась в различных государственных и международных архивах? С одной стороны, подобная информация открыта для публичного ознакомления (пусть к ней и не всегда легко получить доступ), а с другой стороны, ее обнародование может огорчить родственников тех людей, о которых идет речь, пусть даже имена их уже предавались огласке ранее, причем в обвинительном ключе. Хотя моя книга не имеет обвинительного характера, все равно подобные упоминания могут кому-то сделать больно. Собственно, я ощутила все это на собственной шкуре, когда прочитала несколько рецензий на книгу «Мишкина война»: их авторам понравилась сама книга, но к ее герою, Мише, они отнеслись отрицательно.

Несмотря на этот опыт (а может быть, и благодаря ему), я решила все-таки оставить в тексте настоящие имена, за исключением нескольких случаев, когда люди, чьи биографии в целом так и остались для меня неизвестны, подвергались явно бездоказательным нападкам. Я пишу о реальных людях со сложными судьбами, о них говорят самые разные источники, а также повествуют их собственные рассказы, и, мне кажется, лишать их имен было бы попросту неуважением. Это моя история, поскольку я автор и потому распорядитель событий, но все-таки это еще история их жизней.

Часть I Перемещенные лица в Европе

Глава 1 Перемещение

В 1940-е годы в моде было слово «перемещение», а беженцев называли «перемещенными лицами». Однако «перемещенные лица» в Европе, которых с 1947 года опекала Международная организация по делам беженцев (IRO), были беженцами особого рода. Большинство из них не покидали родную страну по своему желанию, их оттуда вывезли насильно. Обычно речь шла об «остарбайтерах» – людях, угнанных в качестве рабочей силы в Германию во время войны с оккупированных немцами территорий, или о солдатах, попавших в плен и потому тоже оказавшихся в момент окончания войны в Германии. Сам термин «перемещенные лица», который Международная организация по делам беженцев подхватила у Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (UNRRA), применялся исключительно к тем, чье перемещение произошло в период с 1939 по 1945 год и стало результатом «войны и фашизма». Многими из этих перемещенных лиц, или ди-пи, были советские военнопленные и угнанные на работы жители России и Украины. UNRRA нашла решение проблемы, которую представляли все эти люди, в их возвращении на родину, но и оно обернулось новой проблемой, когда выяснилось, что основной костяк ди-пи в Германии и Австрии отказывается репатрироваться в Советский Союз³⁴. В 1947 году на сцену вышла IRO и предложила новый выход из положения: переселить перемещенных лиц в страны за пределами Европы, в том числе в Австралию.

Однако, помимо русских и советских ди-пи, имелась и другая категория русских беженцев, с которыми требовалось что-то делать: эмигранты первой волны, покинувшие Россию после большевистской революции 1917 года. UNRRA была левацкой организацией, и ее сотрудники нередко смотрели на старых эмигрантов как на пособников нацизма и вообще на людей вне зоны их ответственности; как лица без подданства, не являвшиеся до начала войны советскими гражданами, они в любом случае не подлежали репатриации в СССР. Круг компетенции и обязанностей IRO был шире, охватывая не только перемещенных лиц, но и просто беженцев, и по мере того, как холодная война разворачивалась, на эмигрантов первой волны все чаще смотрели благожелательнее – скорее как на антикоммунистов, чем на пособников нацизма. В результате изменившегося подхода и им суждено было стать частью того потока русских мигрантов, что хлынул после войны в Австралию.

Эмигранты первой волны

Считается, что после большевистской революции 1917 года и через несколько лет, по окончании Гражданской войны между красными и белыми, бывшую Российскую империю покинули около миллиона человек, причем среди них подавляющее большинство составляли представители высших сословий и образованные люди разных профессий. Одни выехали из России на запад или на юго-запад через Турцию и осели в Европе, где и прожили межвоенные годы; другие устремились на восток и обосновались в Китае. Их часто называли белыми

---

³⁴ Перемещенные лица из СССР были не единственными, кто отказывался от репатриации, просто о них известно больше, чем о других, потому что они заявляли о своем нежелании возвращаться очень активно, и об этом всюду трубила западная пресса. Возвращаться на родину не хотели и многие ди-пи из Польши и Югославии, и в их случае дело осложнялось тем, что если Советский Союз хотел вернуть всех, кто до войны являлся его гражданами, то польское правительство желало возвращения только этнических поляков (а не этнических украинцев, русских и евреев, которые до войны тоже были гражданами Польши), и правительство Югославии проявляло подобную же разборчивость.

русскими, лицами без подданства или обладателями нансеновских паспортов (удостоверений личности, которые выдавала Нансеновская международная организация по делам беженцев, учрежденная Лигой Наций). Согласно приводимым Лигой Наций данным, в 1927 году больше всего русских эмигрантов проживали во Франции (400 тысяч человек), за ней с изрядным отставанием следовали Польша (90 тысяч) и Китай (76 тысяч); еще меньше русских осело в Латвии (30 тысяч), Чехословакии и Югославии (по 25 тысяч)³⁵. Германия, не фигурировавшая в данных Лиги Наций, приняла в 1922 году от 230 до 250 тысяч беженцев, но многие потом уехали из-за гиперинфляции и политической нестабильности в стране, так что к 1930 году их количество упало приблизительно до 90 тысяч³⁶.

Париж обычно считался творческим и культурным центром русской эмиграции, а Берлин – центром политическим, причем он притягивал и крайне левых, и крайне правых. Прага стала академическим центром, а Белград (столица Югославии, где правил тогда король-русофил, а большинство населения составляли православные сербы) получил известность как город, где поселилось больше всего белогвардейцев, сражавшихся во время Гражданской войны против красных³⁷. В 1920–1930-е годы другим крупным центром русской эмиграции с бурной культурной и политической жизнью был китайский Харбин, хотя европейские эмигранты и считали его захолустьем. Наиболее важными источниками послевоенной первой волны иммиграции в Австралию предстояло стать Белграду и Харбину с небольшой примесью переселенцев из Латвии, артистического Парижа и ультраправого (но не ультралевого или даже левоцентристского) Берлина.

В 1919–1922 годах, по мере того как в боях Гражданской войны белые терпели поражение за поражением, целые воинские соединения белых спешно эвакуировались из России через Константинополь на запад и через Владивосток в противоположном направлении. Один из руководителей Белого движения, Петр Врангель, эмигрировал в Югославию и создал там Русский общевоинский союз (РОВС) для объединения бывших белых офицеров и подготовки к будущей войне против Советского Союза³⁸. Среди русских, достигших после Второй мировой войны берегов Австралии, слишком многие заявили, что происходят из семей белогвардейцев-аристократов, так что можно поставить под сомнение эти утверждения. Будущие австралийские иммигранты Константин и Ирина Халафовы, Николай Коваленко, Александр Мокрый, Наталия Баич и Георгий Некрасов родились в семьях белых русских офицеров и росли в Югославии в 1920–1930-е годы³⁹.

Многие в белоэмигрантской среде относили себя не только к русским, но и к казакам. Два эти множества не тождественны, однако могут пересекаться. Можно было услышать: «Мы

---

³⁵ Ю. А. Поляков. *Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население*. М., 1986. С. 118; *Russian and Armenian Refugees: Report to the Eighth Ordinary Session of the Assembly*. League of Nations, Geneva, 5 September 1927. Pp. 23, 25. Эти цифры, очевидно, основаны на данных о количестве обладателей нансеновских паспортов, подавляющее большинство которых были русскими; остальными же, которых насчитывалось менее 5 000 из общего числа 700–800 тысяч, были армяне, ассирийцы и другие: *Report by the Committee Submitted to the Council of the League of Nations*, League of Nations Committee on International Assistance to Refugees. Geneva 25 January 1936. P. 3.

³⁶ Марк Раев. *Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции*. 1919–1939. М., 1994. С. 56. Отмечая, что в 1936–1937 гг. в Европе находилось 345–386 тысяч ненатурализованных русских беженцев, он указывает, что наибольшее их количество пришлось на Францию (100–120 тысяч), а далее шли Польша (80–100 тысяч), Германия (45 тысяч), Югославия (27–28 тысяч), Латвия (12 800 человек) и Чехословакия (9 000 человек).

³⁷ Benjamin Tromly. *Cold War Exiles and the CIA*. Oxford: Oxford University Press. P. 26. Подробное описание, где указываются данные для отдельных городов, см. в: Karl Schlögel. *Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941*. Munich: C. H. Beck Verlag, 1994; Карл Шлөгель. *Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами* (1918–1945). М., 2004.

³⁸ Ирина Халафова. *Свидетель истории*. Мельбурн: Мельбурнский университет, 1988. С. 24–25.

³⁹ Там же; *Австралиада*. № 22. 2000; 2013. № 40 (Коваленко); 2013. № 74, № 19 (Мокрый); 2005. № 43, № 32 (Некрасов); интервью с Наталией Баич в Пламптоне, штат Новый Южный Уэльс, 1 марта 2016 г.

прежде всего русские, а затем казаки»⁴⁰, а в некоторых случаях люди причисляли себя к казачеству прежде всего из романтических побуждений, желая ощущать себя одновременно русскими и воинами. Казаки в царские времена жили преимущественно на окраинах империи, занимались сельским хозяйством и несли военную службу, объединялись по территориальному принципу в «войска» – например, Донское, Кубанское и Терское на юго-западе Российской империи – и составляли отдельное сословие, имевшее особые права и особые обязанности по отношению к государству. Несмотря на крепкие связи с империей и защитой ее границ в поздние годы империи, западные казаки обладали еще и особой тягой к «воле» – неотъемлемой составляющей истории самого этого сословия. Ведь, по преданию, казачество образовалось из беглых крепостных, именно они и основали первые казачьи станицы на окраинах империи, а в начале XX века некоторые даже выступали с идеей создания своего независимого государства (Казаккии)⁴¹. В то время, когда случилась революция, многие жившие на юге казаки были преуспевающими земледельцами, и в ходе Гражданской войны они вступали в ожесточенные бои с большевиками и в подавляющем большинстве вставали на сторону белых.

И в Европе, и в Китае русские эмигранты оставались, как правило, изолированными группами и больше занимались собственными делами, чем взаимодействовали со средой, в которой оказались. В случае Харбина, который в 1920-е годы все еще был не китайским, а русским городом, это, пожалуй, даже естественно. Но и в Европе русские эмигранты держались особняком, не спеша ассимилироваться в приютивших их странах. Не хотели они принимать и чужое гражданство, даже когда такую возможность им предоставляли, как было в Югославии. Им хотелось самим оставаться русскими и передавать эту идентичность своим детям в надежде на то, что власть большевиков когда-нибудь рухнет, и тогда они сразу же вернутся на родину. Во всех крупных центрах эмиграции создавались русские гимназии, хотя к 1930-м годам их стало существенно меньше. Если говорить о высшем образовании, то в Праге, Берлине и Белграде в первые годы училось столько русских (около 8 000 человек в начале 1920-х годов), что для них даже создали отдельные факультеты и программы обучения. К концу 1930-х, конечно, картина изменилась, и остались только два сугубо русских высших учебных заведения (Православный богословский институт и Русская консерватория в Париже), и большинство русских студентов, уже овладевших языком принявшей их страны, поступали в обычные университеты. К числу этих людей принадлежали Константин и Ирина Халафовы, постигавшие архитектуру в Белградском университете, Лидия Федоровская (позднее Храмцова) и Иван Николаюк, изучавшие в Варшавском университете археологию и инженерное дело соответственно⁴². Если бы не война, то, быть может, это поколение русских не сохранило бы такой обособленности, однако второе переселение, вызванное войной, лишь усилило ее.

Сложившаяся в довоенную пору русская диаспора, которую иногда называют Русским Зарубежьем, была прежде всего культурным явлением, и ее представители считали себя в первую очередь хранителями русской культуры и русского духа, которые новые правители России – временные, как хотелось тогда думать изгнанникам, – напрочь отвергли⁴³. Однако русская эмигрантская среда, единая в этом самовосприятии, совершенно по-разному относилась к русской интеллигенции, традиционно критиковавшей русскую аристократию. Эмигранты из числа либералов и социалистов, осевших в Берлине и Праге, как правило, считали себя продолжателями интеллигентской традиции и выпускали толстые журналы, где публицистика сосед-

⁴⁰ Григорий Бологов, председатель Казачьего союза и Комитета русских эмигрантов в Шанхае, цитируется в: Т. В. Таболина. *Русский дом на Тубабао*. М., 2016. С. 41.

⁴¹ И. В. Чапыгин. *Казачья эмиграция в Китае*. Иркутск, 2014. С. 88–89.

⁴² Марк Раев. Указ. соч. С. 65–95; J. H. Simpson. *The Refugee Problem: Report of a Survey*. London: Oxford University Press, 1939. Pp. 99, 191, 101, 103–104, 538; *Австралиада*. 1999. № 21. С. 37 (Федоровский/Храмцов); Там же. 1998. № 18С. 15–16 (Халафов); Ivan Nikolajuk. *Deda's Memoirs: For the Grandchildren*. Trans. Yura Nikolajuk, Melbourne [?], self-published, 2020.

⁴³ Марк Раев. Указ. соч. С. 13–28.

ствовала с художественными произведениями таких авторов, как подававший надежды молодой Владимир Набоков (скрывавшийся под псевдонимом В. Сирин), который до 1937 года жил в Берлине и писал по-русски.

Между эмигрантскими артистическими кругами и русским Серебряным веком 1910-х годов просматривались явные связи. Модернисты, такие как композитор Игорь Стравинский и создатель Русского балета Сергей Дягилев, пользовались международным признанием и оказывали влияние на искусство других стран, особенно на авангардную культуру Германии в период Веймарской республики. Однако внутри самой эмигрантской среды модернизм как течение пользовался успехом лишь у меньшинства. Если говорить о русском литературном наследии, то среди эмигрантов все заметнее возрастала популярность Достоевского с его склонностью к мистицизму. В 1937 году вся русская диаспора в едином порыве отмечала годовщину гибели Пушкина; во французской концессии в Шанхае местные белые русские поставили ему памятник⁴⁴.

Однако ни в коем случае не следует полагать, что и читатели толстых журналов были такими же либералами, как их издатели: напротив, чаще всего они придерживались консервативных и монархических взглядов, типичных для эмигрантской среды в целом⁴⁵. По мнению среднестатистического эмигранта, именно русская интеллигенция, пораженная западничеством и радикализмом, помогла приблизить катастрофу русской революции, и потому вызывала довольно сильную неприязнь. Подобные настроения только окрепли после того, как во второй половине 1930-х годов большинство либералов, социалистов и художников-модернистов уехали из Европы в США – подальше от нацистского режима. Среди уехавших в Америку были Владимир Набоков (женатый на русской еврейке), Игорь Стравинский и все заметные социалисты из числа русских эмигрантов, в том числе несколько евреев. Их отъезд также привел к сужению представления о том, кто такие русские и что такое русская культура. Более широкое определение, вытекавшее из самих реалий имперской жизни и распространявшееся на русскоязычных людей всех национальностей и вероисповеданий («российское»), понемногу уступало место понятию более узкому, привязанному только к русской национальности и русскому православию. Крупнейший историк, специалист по русской интеллигенции и русскому зарубежью Марк Раев, выросший в эмиграции в семье еврея и лютеранки, сталкивался с парадоксом: такие люди, как он и его семья, сами ощущали себя частью русской интеллигенции и русской эмиграции, однако с ними далеко не обязательно согласилось бы большинство их собратьев по изгнанию⁴⁶.

По крайней мере, до начала XX века большинство представителей русских образованных (и ориентированных на Запад) сословий относились к православной вере довольно прохладно. Но после революции все в корне переменялось: русские эмигранты вдруг бросились в лоно православия с таким же пылом, с каким советское правительство ниспровергло и топтало его. Произошло нечто вроде духовного возрождения. Религиозные философы Николай Бердяев и Георгий Федотов – бывшие марксисты, которые обратились к христианству уже после революции и прожили почти все межвоенные годы в эмиграции во Франции, – переосмысливали русскую культуру на новый лад, ставя православие в самый ее центр. В 1930-е годы упрощенный вариант этого интеллектуального направления пользовался большим спросом в белоэмигрантских кругах Белграда и Риги, где далеко не такой интеллектуальный консервативный монархизм, главными ценностями которого были воинская доблесть и антикоммунизм, рас-

⁴⁴ Russische Emigration in Deutschland 1918–1941: Fragen und Thesen in *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben in Europäischen Bürgerkrieg*; ed. Karl Schlögel. Berlin: Akademie Verlag, 2018 (репринт). P. 14; Марк Раев. Указ. соч. С. 125.

⁴⁵ Там же. С. 100. Главными изданиями были «Современные записки» (Париж), «Руль» (Берлин) и меньшевистский «Социалистический вестник» (Берлин, потом Париж).

⁴⁶ Marc Raef. Emigration – welche, wann, wo? Kontexte der russischen Emigration in Deutschland 1920–1941, *Russische Emigration in Deutschland...* Pp. 23–24.

пространился куда шире, чем утонченный модернизм, не говоря уж об антибольшевистском социализме, изредка еще встречавшемся среди русских в Париже.

На более приземленном уровне православная церковь и ее священнослужители играли важную роль в повседневной жизни русских эмигрантов в Европе, в равной мере благословляя патриотические, военные, монархические и антикоммунистические объединения, освободительные армии и движение русских скаутов. Для большинства православных священников в эмиграции вышестоящей церковной организацией была Русская православная церковь за границей (РПЦЗ), возникшая после революции в противовес подчинявшемуся советской власти Московскому патриархату⁴⁷. Традиционно священниками становились потомки семей духовенства (сословие занимало довольно низкую ступень на общественной лестнице), но в межвоенную пору в эмигрантской среде в священники подались некоторые отпрыски знатных родов. Одним из них был Константин Ессенский, воспитанный в эмиграции в Латвии после того, как его отца, дворянина, убили во время революционной смуты большевики; позднее он станет епископом Брисбенским.

Алексей Годяев – выпускник Мюнхенской Политехнической школы, где он обучался сыроделию, и оперный певец, которому предлагали работу в театре Ла Скала, – родился в России в семье священника, но сам принял духовный сан довольно поздно: ему было тогда уже около пятидесяти лет, он находился в Вене в качестве перемещенного лица, а всего через несколько месяцев уже отправлял первую службу по православному обряду в Бонегилле – лагере для мигрантов в Австралии⁴⁸.

До революции скаутское движение не успело стать привычной частью воспитания русских детей, но в эмиграции оно пережило взлет – и в Европе, и в Китае, а потом и в Австралии. «Движение бойскаутов, как полагали, развивало в детях именно те качества, которых так не хватало России в годы великих испытаний войной и революцией», – физическую силу, практическую сметку и патриотизм, одновременно не давая пасть духом и утратить ощущение своей русскости. Почти все дети русских эмигрантов в Европе вступали в скаутские отряды: Константин Халафов и его будущая жена Ирина подростками состояли в русском скаутском движении в Белграде, а Леониду Артемьеву в Вильно приходилось довольствоваться членством в польском скаутском отряде⁴⁹.

Притом что «большинство эмигрантов были на уровне эмоций монархистами», как пишет Марк Раев, «политика волновала лишь незначительную часть интеллигенции и бывшего офицерства»⁵⁰. Однако главной твердой позицией, которой придерживались и меньшинство, и большинство, оставался антикоммунизм, и в обстановке 1930-х непропорционально заметными и влиятельными сделались активисты правого крыла. Белые русские в Мюнхене оказали некоторое влияние на нацистское движение в пору его становления⁵¹, а по мере того как в 1930-е годы немцы начали надвигаться на Восточную Европу, они создали Управление по делам русских эмигрантов, куда вошли некоторые представители русской эмигрантской диаспоры, правые по своим взглядам. Владимир Янковский – белый русский, выросший в Эстонии, –

⁴⁷ J. H. Simpson. *Refugee Problem*, pp. 95–97. Но даже с этой двухполярностью не все было так просто: православные священники, находившиеся в межвоенные годы на территории Польши и Западной Украины, оказались под властью автокефальной Польской православной церкви.

⁴⁸ Michael Alex Protopopov. *The Russian Orthodox Presence in Australia*. PhD diss., Australian Catholic University, 2005. Pp. 382–383 (Годяев), 386–387 (Ессенский).

⁴⁹ Марк Раев. Указ. соч. С. 73 (цитата); J. H. Simpson. *Refugee Problem...* P. 101; *Австралиада*. 1998. № 18. С. 15 (Халафова); 2005. № 45. С. 29 (Артемьев).

⁵⁰ Марк Раев. Указ. соч. С. 19.

⁵¹ О контактах правых белых русских эмигрантов, например, генерала Василия Бискупского, с нацистской партией через мюнхенскую подпольную организацию *Aufbau* (*Wirtschafts-politische Vereinigung für den Osten* [Реконструкция: экономическо-политическая организация для Востока]) рассказывается в работе: Michael Kellogg. *The Russian Roots of Nazism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

по-видимому, завязал какие-то связи с этим управлением, когда работал журналистом в Белграде в конце 1930-х, в 1940 году он переехал в Берлин и уже устроился на штатную работу в само ведомство. В 1950-е годы, пережив некую трансформацию, он оказался в Мельбурне уже православным приходским священником. Среди русских эмигрантов в Европе было сравнительно мало таких, кто одобрял и принимал нацистскую идеологию – вероятно потому, что в сконструированной нацистами расовой иерархии славянам отводилось место в самом низу. Впрочем, отдельные поклонники нацистов среди русских правых все же находились. Пожалуй, самым известным из них был получивший образование в Санкт-Петербурге Михаил Спасовский. Впоследствии он перебрался в Австралию через Тегеран и Шанхай⁵².

Самой энергичной антикоммунистической силой правого крыла в русской эмиграции был Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС). Основанный в начале 1930-х, НТС быстро набирал популярность среди эмигрантской молодежи в Югославии, а затем его деятельность распространилась на Париж, Прагу и далее. Странниками НТС становились поборники модернизации, которые разочаровались в демократии, тянулись к фашизму и ощущали усталость от устаревших взглядов своих родителей-эмигрантов. Под влиянием корпоративизма тогдашних итальянских и португальских фашистов они выработали идеологию «солидаризма», который, по их представлениям, должен был заменить марксизм. Солидаристы мечтали о будущем органическом российском государстве, тесно связанном с русским православием; евреям и другим чуждым элементам места в нем не было. Однако главным, что привлекало молодежь к солидаристам, были их энергичный идеализм и обещание смелой конспиративной деятельности: в частности, они планировали нелегально пересекать границу Советского Союза и распространять там свои подрывные идеи. Некоторые молодые люди из русской эмигрантской среды встречали членов НТС в 1930-е годы или во время войны, но еще больше их было в лагерях перемещенных в лиц в Германии после войны. «Гимн „Бьет светлый час“ звал на баррикады, – писала Ирина Халафова, вспоминая свою юность, прошедшую в Белграде в 1930-е годы. – Все вышеупомянутые события моей жизни происходили на фоне „нац-мальчишек“». Многим (хотя, наверное, не Халафовой) казалось, что это самое «нац» в «нац-мальчишках» слишком уж отдаёт близостью к нацистам. Впрочем, НТС предпочитал довольно заносчиво считать себя независимой «третьей силой», занимающей промежуточное положение между национал-социализмом и советским коммунизмом, и объявлял своей целью освобождение России⁵³.

Реваншистские устремления приводили некоторых русских, в том числе и лидеров НТС, в скользкий мир международной разведки. Родившийся в Австралии Чарльз (Дик) Эллис, с середины 1920-х работавший на британскую МИ6 и женатый на русской, завербовал нескольких белых русских в Париже, а некоторые из этих агентов оказались одновременно завербованы немецким абвером и/или советскими спецслужбами. Одним из этих людей был князь Антон Туркул, работавший в 1920-е годы в Русском общевойсковом союзе и имевший обширные международные связи, в числе прочих со шпионской сетью Макса – Клатта абвера, с британской МИ6 и, как выяснилось позже, с советской разведкой⁵⁴. В довоенные годы готовность НТС проводить тайные операции побуждала его устанавливать контакты с французской, польской, японской, румынской и, вероятно, британской разведывательными службами⁵⁵.

⁵² Michael Alex Protopopov. Op. cit. Pp. 174–175, 386 (Янковский); John Stephan. *The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile 1925–45*. London: Hamish Hamilton, 1978, pp. 16–30; Виктория Шаронова, *История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века*. М.; СПб., 2015. С. 167–168.

⁵³ Anna Marta Holian. *Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany*. MI, Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011. P. 113; Catherine Andreyev. *Vlasov and the Russian Liberation Movement*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, pp. 185–188; Ирина Халафова. Указ. соч. С. 22–23.

⁵⁴ Stephen Dorril. *MI6: Inside the Covert World of Her Majesty's Secret Intelligence Service*. New York: The Free Press, 2000. Pp. 189–190, 409–411, 419–421.

⁵⁵ Benjamin Tromly. *Cold War Exiles...* P. 43.

В годы войны

Первыми под власть нацистов попали русские эмигранты, жившие в Германии. В 1939 году, когда немцы оккупировали Польшу, все, кто там жил, в одночасье оказались в рейхе. В начале 1940 года та же участь постигла эмигрантов в Чехословакии, Болгарии и остальных странах Восточной Европы. Что касается эмигрантов, живших во Франции, то парижане (вероятно, большинство) очутились прямо под немецкой оккупацией, а остальные жили под властью коллаборационистского правительства Виши. В целом русские эмигранты поначалу не увидели в этих изменениях ничего страшного, ведь нацисты были врагами советских коммунистов.

Просоветские настроения наблюдались среди европейских эмигрантов крайне редко. Другое дело – Китай, где многие русские эмигранты, даже бывшие белогвардейцы, после вторжения немцев в Советский Союз сделали горячими патриотами и всей душой болели за победу СССР в войне. В Европе с животрепещущей остротой, похоже, вставал вопрос, одобрять или осуждать активное пособничество немцам. Среди бывших белых офицеров, особенно казаков, многие хотели пойти на войну добровольцами, чтобы «драться с большевиками»⁵⁶. По воспоминаниям Ирины Халафовой, значительная часть эмигрантов в Югославии «поддалась на приманку немцев – переброске на русский фронт... Созданное немцами „Освободительное движение“ очень затруднило положение той части эмиграции, которая не хотела коллаборации с немцами»⁵⁷.

Русский корпус возник как сплав старого антибольшевистского милитаризма европейской эмиграции с новым представлением о возможностях, которые открывал начавшийся поход немецкой армии на восток – *Drang nach Osten*. По крайней мере часть русского иммигрантского сообщества в Австралии вспоминала о нем с теплотой как о воплощении «белой идеи», продолжении славной традиции сопротивления большевизму, продолжавшейся со времен Гражданской войны. Безусловно, именно под таким углом удобнее всего было думать об этом в послевоенной Австралии, потому что к тому времени сам факт добровольного сотрудничества с Германией воспринимался всеми как нечто весьма неприятное. Идея создания Русского корпуса зародилась среди белых офицеров в Югославии в 1941 году, а немцы восприняли ее довольно сдержанно, так как относились к русским эмигрантам с долей презрения, а к их желанию независимо воевать против СССР – с осторожностью. Поначалу вермахт использовал Русский корпус в основном для охраны заводов и рудников, но в 1942 году ему доверили и более важные дела: вместе с усташами (хорватской фашистской группировкой) подавлять в Хорватии движение партизан-коммунистов. В 1944 году Корпусу наконец удалось схлестнуться в бою и с Красной армией. Это произошло в ходе Белградской стратегической наступательной операции советских войск. К тому времени Русский корпус – первоначально один полк, состоявший из четырех батальонов, – сильно изменился из-за притока большого количества казаков. Весной 1943 года Гитлер одобрил создание 1-й казачьей дивизии, а в июне 1944-го было уже шесть полков под командованием немецкого генерала, причем были представлены все основные казачьи войска (Донское, Кубанское, Терское, Сибирское), так что ранее набранный контингент Корпуса растворился в этой массе⁵⁸.

⁵⁶ Из крупных руководителей Белого движения, участвовавших в Гражданской войне, по-видимому, один только генерал Деникин открыто выступал против коллаборационизма: К. Л. Котюков. Российские военные эмигранты и «пораженческое» движение в период Второй мировой войны // *История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941–2001 гг.* / Под. ред. Ю. А. Полякова и др. М., 2007. С. 41–42.

⁵⁷ Ирина Халафова. Указ. соч. С. 18–19.

⁵⁸ Русский корпус в Сербии // *Единение*. 1951. 14 сентября. С. 6; Mark R. Elliott. *Pawns of Yalta: Soviet Refugees and America's Role in their Repatriation*. IL, Urbana: University of Illinois Press, 1982. Pp. 14–15.

Несмотря на стремление НТС стать некоей третьей силой, он всесторонне сотрудничал с немцами, и немецкая военная разведка даже выделяла его среди остальных эмигрантских групп; энтээсовцы наряду с военными активно участвовали в пропаганде и шпионаже на советских территориях, оккупированных немцами⁵⁹. Некоторые члены НТС – как, например, Николай Алферчик (гражданин СССР, завербованный одновременно НТС и СД во время немецкой оккупации Белорусской ССР и позднее обвиненный Советским Союзом в военных преступлениях), – принимали участие и в массовых расправах над евреями и партизанами. Однако в 1944 году стремление НТС к освобождению России привело к конфликту с нацистами. Многих активистов арестовали, и на оккупированных немцами территориях членам союза пришлось уйти в подполье. В ту пору к движению примкнул Юрий Амосов (будущий редактор австралийской газеты НТС «Единение»): в один из последних месяцев войны он приехал из Белграда в Берлин вместе с группой молодых энтээсовцев во главе с Александром Трушиновичем (который ненадолго прославится в середине 1950-х, когда его похитят советские агенты)⁶⁰.

Несомненно, что в русской эмигрантской среде в Европе лишь меньшинство активно поддерживало политику стран Оси и желало им победы. С другой стороны, среди эмигрантов было довольно мало тех, кто подвергался гонениям со стороны нацистов, – по крайней мере до последних месяцев войны⁶¹. Большинство, оказавшись под властью немцев, не слишком унывали и думали прежде всего о собственном выживании. Русских, принявших гражданство Германии (среди них был Игорь Сусемиль, выпускник русской гимназии в Берлине), могли наравне с прочими гражданами призвать в ряды вермахта. Ненатурализованным русским, жившим в Германии в пору начала войны, как правило, было легче: например, Алексей Кисляков, учившийся с середины 1930-х годов в Берлинском техническом университете, работал во время войны техническим переводчиком⁶². Эмигранты, обосновавшиеся в Прибалтике, во время войны часто перебирались в Германию, а осенью 1944 года, когда германская армия отступала под натиском советских войск, массово уезжали (точно так же поступили и многие их соседи – латыши, литовцы и эстонцы).

Намного важнее, чем эмигранты, были для немцев многие тысячи советских граждан, оказавшиеся в их руках в качестве военнопленных или подневольной рабочей силы. Войну пережили почти пять миллионов, около трети из них были русскими, вторую по величине группу составляли украинцы⁶³. Количество советских военнопленных, которых немцы удерживали в течение войны, было оценено приблизительно в два миллиона (хотя многие так и умерли в плену)⁶⁴.

⁵⁹ Stephen Dorril. *МБ...* P. 409. Члены НТС работали в остминистерии Альфреда Розенберга, в абвере адмирала Кана-риса и в отделении военной разведки генерала Гелена.

⁶⁰ Mark Aarons. *War Criminals Welcome: Australia, a Sanctuary for Fugitive War Criminals Since 1945*. Melbourne: Black Inc., 2001. Pp. 141–152; Anna Marta Holian. Op. cit. P. 113; Редактор газеты «Единение» Юрий Константинович Амосов // *Австралиада*. 1995. № 2. С. 18.

⁶¹ Редким случаем среди австралийских иммигрантов была история Леонида Верцинского, выросшего в Белграде: он, как бывший русский офицер, был ненадолго помещен в немецкий концлагерь, откуда его потом выпустили и отправили работать на одном из предприятий Альберта Шпейера на оккупированных территориях СССР: И. Богут. Памяти Леонида Александровича Верцинского // *Австралиада*. 1997. № 12. С. 41.

⁶² Michael Alex Protodorov. Op. cit. P. 416; Алексей Павлович Кисляков. Автобиография // *Австралиада*. 1999. № 21. С. 7.

⁶³ Если сложить количество репатриантов (в 1946 г.) и невозвращенцев (в 1952 г.), то получится общее количество 4 892 462 человека, из которых 1 663 565 (34 %) были русскими, а 1 795 277 (37 %) украинцами (В. Н. Земсков. *Возвращение советских перемещенных лиц в СССР, 1944–1952*. М.; СПб., 2016. С. 125, 142 (таблицы 3, 8)). В эти данные не вошли 58 638 человек, вернувшиеся на родину в период с 1947 по 1952 г. (С. 141, таблица 7). Украинцы оказались в большинстве, так как их было больше всех среди увезенных в Германию на работы в течение войны.

⁶⁴ В. Н. Земсков. К вопросу о репатриации советских граждан, 1944–1951 годы // *История СССР*. 1990. № 4. С. 26. По оценкам Земскова, к моменту окончания войны из них были живы 1,7 миллиона человек: Он же. *Возвращение советских перемещенных лиц...* С. 16.

Поскольку в Красную армию призывали мужчин всех национальностей из всех социальных групп в возрасте от 16 до 50 лет⁶⁵, а на первых этапах войны немцы захватили огромное количество людей, по-видимому, среди военнопленных присутствовали представители самых разных групп мужского населения СССР. Можно сказать, что большинство составляли люди крестьянского происхождения, и русские были самыми многочисленными среди них, но довольно хорошо были представлены и другие народности. Те, что помоложе, учились в советских школах и участвовали в массовых молодежных движениях, а значит, были воспитаны как социалисты и атеисты (хотя они тоже, как и их сверстники-эмигранты, любили Пушкина и других классиков русской литературы). Они верили в братство народов, населявших Советский Союз, гордились тем, что их страна первой в мире сбросила иго капиталистов-эксплуататоров. У тех, кто происходил из семей советской элиты, старшие родственники могли стать жертвами сталинских репрессий, но сами они в пору призыва, скорее всего, чувствовали солидарность с советским политическим строем и желали приблизить военную победу своей страны. Пленные старшего возраста, особенно из глубинки, могли сохранять остатки религиозной веры своей юности и с неприязнью вспоминать о коллективизации; однако в пору призыва в армию и они, скорее всего, соглашались в душе с тем, что чужаков-захватчиков нужно прогнать с русской земли⁶⁶.

Среди советских военнопленных были, например, Эрнест Шницер, студент Киевского университета, отправленный в стройбат из-за того, что его родители были арестованы как «враги народа» в пору Большого террора, и Леонид Артемьев – русский, уроженец приграничных земель, которые в XX веке отошли от России к Польше, затем ненадолго оказались территорией СССР (как раз тогда Артемьева и призвали в Красную армию), а во время войны были оккупированы немцами⁶⁷. В автобиографических рассказах двух этих людей, написанных много лет спустя в Австралии, не говорится о том, как они попали в плен к немцам – против своей воли или сдались сами. В первые месяцы после германского вторжения Красная армия терпела одно за другим жестокие поражения, и многие ожидали, что советская власть вот-вот падет. Поэтому (и еще благодаря немецким пропагандистским листовкам) в народе ожили старые слухи, в которых евреев приравнивали к большевикам и обвиняли в узурпации власти над Россией. Подсчитано, что около 5 % всех советских военнопленных были перебежчиками – это намного больше, чем обычно было в армиях других воюющих стран. В Красной армии был еще и необычайно высокий уровень дезертирства: за всю войну около 1,5 миллиона человек оставили свои боевые посты, хотя, как предполагается, не все дезертиры оказались в итоге за пределами Советского Союза. Иван Кононов, позднее эмигрировавший в Австралию под чужим именем и чужой национальностью (как Иван Горький, поляк), перешел на сторону немцев в августе 1941 года, уведя с собой многих бойцов из своего казачьего полка, после чего сражался вместе с немцами до конца войны⁶⁸.

Самым известным советским перебежчиком, сотрудничавшим с нацистской Германией, был Андрей Власов, возглавивший Русскую освободительную армию (РОА). Его имя стало синонимом предателя: советских солдат, воевавших на стороне немцев против СССР и союзников, стали называть власовцами. В отличие от Ивана Кононова Власов не переходил на сто-

⁶⁵ Имеется в виду период всеобщей мобилизации во время ВОВ. (Прим. ред.)

⁶⁶ Подробнее на эту тему см.: Stephen Kotkin. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995; Шейла Фицпатрик. *Повседневный сталинизм...*; Timothy Johnston. *Being Soviet: Identity, Rumour and Everyday Life under Stalin, 1939–1953*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

⁶⁷ А. Карел. И. М. Смолянинов – Жизнь и творчество. Краткий очерк // *Австралиада*. 2007. № 51. С. 6 (в Австралии Шницер был известен под именем Игоря Смолянинова).

⁶⁸ Mark Edele. *Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941–1945*. Oxford: Oxford University Press, 2017. Pp. 32–36 (в число перебежчиков 251–318 тысяч в абсолютных величинах не включены военнопленные, взятые в плен в 1941 г., так как немцы тогда еще не вели им счета); Idem. Not an Ordinary Man. Ivan Nikitch Kononov and the Problem of Frontline Defection from the Red Army, 1941–1949, *Australian Journal of Politics and History*. 2016. Vol. 62. No. 4. Pp. 546–560.

рону врага добровольно – он был захвачен в плен на Ленинградском фронте в июне 1942 года и лишь потом согласился пойти на службу к противнику. Находясь в тюрьме, он познакомился с прибалтийским немцем-эмигрантом, капитаном Вильфридом Штрик-Штрикфельдтом, который пытался убедить немцев поддержать русское освободительное движение и сформировать из его участников отдельную армию. Гитлер с большим подозрением отнесся к этому замыслу, но потом дал согласие на его осуществление, решив, что это послужит хорошей антибольшевистской пропагандой. Таким образом, Русская освободительная армия как идея возникла задолго до того, как ей было позволено обрести материальное воплощение⁶⁹.

Интерес немцев к использованию русских в вооруженных силах возрос, когда явилась потребность в личном составе войск, и тогда провели масштабный набор солдат в лагерях для военнопленных. В общей сложности, согласно проведенным подсчетам, во время войны немецкую форму надели около миллиона советских граждан, причем около половины из них были русскими (возможно, в их число входили и эмигранты). Многие военнопленные охотно шли в армию, потому что в лагерях были очень суровые бытовые условия и высокий уровень смертности. Некоторых русских добровольцев, записывавшихся в германскую армию, брали в качестве «добровольных помощников» (*Hilfswilliger*, или сокращенно *Hiwi*, хиви), хотя многим немецким солдатам и офицерам не нравилось иметь с ними дело. Других набирали в «восточные отряды» (*Osteinheiten*), которые поначалу отправляли на Западный фронт из-за неуверенности командования в том, что на русских можно будет положиться, если те встретятся в бою со своими соотечественниками. Деятельность РОА оставалась под контролем Германии до самого конца войны, но в мае 1945 года, ко всеобщему замешательству, она вдруг предложила свою помощь чешским партизанам, боровшимся за освобождение Праги от немцев. «Нам не нужна помощь предателей», – ответили чехи. Но к тому моменту было уже неважно, на чьей стороне воевать: важно было наиболее выгодным способом сдать союзникам-антифашистам⁷⁰.

С идейной точки зрения, за решением воевать на стороне немцев могли стоять разные мотивы. Сигизмунд Дичбалис, родившийся в Петрограде в семье литовца-военного и русской (или польки), но воспитанный матерью и бабушкой как русский, был, по его собственным словам, настоящим юным советским патриотом. Он добровольцем ушел в Красную армию и попал в немецкий плен. Он оказался в немецком отряде, брошенном на борьбу с партизанами, там его взгляды постепенно начали меняться после того, как он встретил пропагандистов из РОА, которые убедили его в том, что «дело русских, их долг – бороться против Сталина, за мир, за Новую Россию». Последние сомнения покинули его, когда его отряд промаршировал перед самим генералом Власовым⁷¹. Другой военнопленный и будущий австралийский иммигрант, воевавший на стороне немцев, руководствовался иными мотивами. Лоренц Селенич был родом из Белостока и служил в Красной армии. Выполняя разведздание на Ленинградском фронте, он случайно наткнулся на немцев и сдался им (немецкий язык он немного знал); потом его послали воевать в составе вермахта во Францию. Никаких идейных соображений у него не было: он сдался в плен, чтобы выжить; позже, уже живя в Австралии, он был одним из очень немногих бывших ди-пи, голосовавших за лейбористов⁷².

Попав в плен в годы войны, советские граждане могли оказаться в Германии, это был один из распространенных вариантов. Но еще более многочисленная группа попала в Германию в качестве остарбайтеров: таких насчитывалось примерно вдвое больше, чем военноплен-

⁶⁹ К. Л. Котюков. Указ. соч. С. 39–41. О власовском движении см. Также: Anna Marta Holian. Op. cit. Pp. 115–116; Benjamin Tromly. Op. cit. Pp. 32–40, 79–84.

⁷⁰ Mark R. Elliott. Op. cit. Нр. 15, 84–85 (цитата); Samuel J. Newland. *Cossacks in the Germany Army 1941–1945*. London: Frank Cass, 1991. P. 34.

⁷¹ Сигизмунд Дичбалис (А. Дубов). *Детство, отрочество...* С. 89–96.

⁷² Интервью с Алексом Селеничем в Мельбурне. 8 марта 2016 г.

ных (4,8 миллиона человек)⁷³. Эта вторая группа в отличие от первой уже не представляла собой срез всего мужского населения СССР: там явное большинство составляли украинцы и белорусы (потому что они жили ближе всего к западной границе), а также русские из оккупированных южных областей страны. Кроме того, в этой группе было много женщин.

Среди угнанных на работы в Германию преобладала молодежь обоих полов, многие были еще подростками. Галя Маркова (позднее, в Австралии – поэтесса Гали Плисовская) родилась в Белорусской ССР, но во время оккупации оказалась в Польше, откуда ее увезли в Германию; Иван Гончаров жил с дедом и бабушкой на юге России, в оккупированном Ростове, где его вместе с группой молодых людей заставили работать на заводе. Хотя немцы-оккупанты относились к религии терпимее, чем советская власть, некоторые приходские священники впоследствии рассказывали, что были угнаны немцами в качестве рабочей силы. Возможно, конечно, им было выгодно представлять дело именно так; в действительности людей на работы набирали вначале на добровольной основе, многих никто не заставлял. Люди часто рассказывали о случившемся с ними по-разному, а иногда, быть может, и нельзя было истолковать происходившее однозначно. В начале 1950-х годов, проходя собеседования с сотрудником ведомства, занимавшегося в Австралии подпольной репатриацией в СССР, Павел Комар один раз сказал, что его «увезли» в Германию на принудительные работы, а в другой – что его «заставили поехать за отступавшими немцами», потому что во время оккупации он работал у них механиком⁷⁴.

В 1944 году, когда Красная армия наступала по советским территориям, ранее оккупированным немцами, множество людей пересекали западную границу страны добровольно – во всяком случае это не было результатом принуждения со стороны немцев. За границу побежало значительное количество жителей Прибалтики, а также Западной Украины и Западной Белоруссии, включенных в состав СССР в 1940 году, причем иногда эти люди прибегали к помощи немцев. Священника из Западной Белоруссии, Иоанна Лупича, против воли сделавшегося советским гражданином в 1939 году, спасло от ареста советскими властями вторжение немцев в 1941 году, и когда стало понятно, что война близится к концу, он последовал за отступавшими немецкими войсками в Польшу, а затем в Баварию. Латыш Андрис Бичевскис вступил в Риге в ряды СС, но избежал участия в боевых действиях благодаря тому, что был способным баскетболистом; он отправился на запад вместе с отрядом, в котором у него имелся покровитель-немец, но покинул спутников, как только пересек границу. Борис Домогацкий, будущий активист Русского антикоммунистического центра в Австралии, в 1941 году работал в Риге журналистом, а когда советские войска оттуда отступили, он, по его словам, остался в Риге, а впоследствии раздобыл фальшивые документы белого русского и в 1944 году уехал в Германию⁷⁵.

Все, кто занимал хоть какие-нибудь видные должности при немецкой оккупации, старались по возможности отбыть вместе с немцами. Белорус Афанасий Мартос, будущий австралийский архиепископ, служил при немцах епископом Витебска; в 1944 году он примкнул к их отступавшим частям и затем вступил в Казачий Стан в Италии⁷⁶. Такой же путь проделал и другой будущий австралийский архиепископ, Феодор Рафальский. При немцах о. Феодор

⁷³ В. Н. Земсков. К вопросу о репатриации... С. 26.

⁷⁴ Лидия Ястребова. Гали Плисовская // *Австралиада*. 1997. № 14. С. 29; Е. Ющенко. Иван Филиппович Гончаров // Там же. 1999. № 21. С. 32; биографии священников: Michael Alex Protopopov. Op. cit. (Иоанн Березовский, pp. 89, 373; Феодор Боришкевич, pp. 97, 373; Алексей Филатов, pp. 113, 379; Виктор Лотоцкий, pp. 90, 394; Борис Масловский, p. 99; Константин Наверейский, pp. 98, 401; Сергей Путилин, p. 110; Александр Шадко-Басилевич, pp. 89–90, 412–413); ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 68 Д. 888. Л. 133–135, 217–218 (Комар).

⁷⁵ Michael Alex Protopopov. Op. cit. Pp. 394–395 (Лупич); Andrejs Bievskis. *Family History*. Электронное письмо Шейле Фицпатрик, 6 мая 2008 г.; НАА: А6122 166: информация от Австралийской армейской разведки, 15 сентября 1954 г.

⁷⁶ Michael Alex Protopopov. Op. cit. Pp. 396–397; Г. И. Каневская. «Мы еще мечтаем о России...» *История русской диаспоры в Австралии*. Владивосток, 2010. С. 120–123. Рукоположение Мартоса в епископа Витебского подразумевало его подчинение Белорусской Автокефальной церкви.

служил викарным епископом в Таганроге, а затем на Волыни. Белорусы Радослав Островский, Всеволод Радзевич и Николай Алферчик работали во время войны на немецкий оккупационный режим и потому при отступлении немцев присоединились к ним. Всех троих Советский Союз признал военными преступниками и тщетно добивался от Австралии их выдачи для суда. Филипп Марфутенко, коллаборационист более мелкого калибра, работал при оккупации в полиции, а ближе к концу войны добровольно уехал вместе с семьей в Германию, – во всяком случае, так об этом рассказывал его сын, который уже в Австралии, словно во искупление вины отца, сам придерживался левых взглядов⁷⁷.

Рассказы других людей о пересечении границы иллюстрируют всю пестроту и сложность того выбора, что вставал перед советскими гражданами в военные годы. Сибиряк Александр Карасев, которому после войны предстояло создать казачий ансамбль песни и пляски в Мельбурне, уже создавал подобный коллектив в украинском Краматорске при немецкой оккупации, а когда немцы начали отступление, ансамбль распался. Потом Карасев «оказался» в Германии (это было любимое словечко в автобиографических рассказах эмигрантов первой волны) и успешно сформировал новый музыкально-танцевальный ансамбль уже в Баварии. Актрису Лилию Наталенко немцы взяли в развлекательную труппу, выступавшую на оккупированных территориях России, и впоследствии она уехала вслед за немцами в Берлин; незадолго до окончания войны они с мужем – бывшим советским военнопленным – нашли работу на радио при РОА. Евгений Ющенко жил в области, оккупированной немцами, и, не желая, чтобы его угнали в Германию оstarбайтером, смог доехать до Одессы, которая находилась тогда под румынской оккупацией, и устроился там театральным режиссером. Ближе к концу войны он перебрался в Румынию, по-видимому, вместе с отступавшими войсками стран Оси, а оттуда через Венгрию попал в Германию в лагерь перемещенных лиц. Георгий Вирин (Езерский), который в свои двадцать с небольшим лет подавал надежды как скульптор и уже имел знакомства среди московской творческой интеллигенции, был призван в Красную армию, попал в плен, бежал из него и (по его собственному рассказу) сражался в отряде просоветских партизан в Белоруссии, а за два месяца до окончания войны пересек границу и добрался до Люксембурга, где поменял имя и слился с общиной русских эмигрантов⁷⁸.

Многочисленную группу (около 14 тысяч человек), оказавшуюся на Западе под защитой отступавших немцев, составляли кубанские казаки с юга России. Их одиссея началась осенью 1943 года, а к весне 1944-го их численность почти удвоилась: к ним продолжали прибываться все новые беглецы. Среди них были те, кто воевал на стороне немцев, но было и много стариков, женщин и детей, и перемещались они длинными эшелонами – на повозках, лошадях, с домашним скотом и даже с верблюдами. В июле 1944 года эсэсовцы решили оставить казаков в Италии, под Толмеццо, чтобы там они отражали нападения местных партизан. Но сами казаки решили двигаться дальше и устремились в Австрию. К Пасхе 1945 года они прибыли в долину Драу под Лиенцем (по их собственным оценкам, их отряд насчитывал 32 тысячи человек). Среди них были: полковник Михаил Протопопов, донской казак и кадровый военный, вместе с женой и маленькими сыновьями; Исидор Дереза, бывший приходской священник из Донбасса, служивший полковым капелланом⁷⁹; Иван, донской казак, возможно, дезертировавший из Красной армии, примкнувший к казачьему воинству где-то по пути; Настасья, новая жена

⁷⁷ Michael Alex Protopopov. Op. cit. Pp. 409–410 (Рафальский); Mark Aarons. *War Criminals Welcome...* Pp. 300 (Островский, Радзевич, Алферчик); ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 888. Л. 143–144 (Марфутенко).

⁷⁸ И. П. Богут. Казачий ансамбль А. В. Карасева // *Австралиада*. 1995. № 5. С. 26–27; Ksana Natalenko, Bohdan Natalenko. *Lilya's Journey: A Russian Memoir*. Sydney: Simon & Schuster, 2004. Pp. 132–133 (и др.); Л. Шеломова. Евгений Николаевич Ющенко // *Австралиада*. 2000. № 23. С. 20; Интервью с русским скульптором Г. М. Вириним // Там же. 1997. № 13. С. 24–25.

⁷⁹ Samuel J. Newland. Op. cit. Pp. 129–134; Nikolai Tolstoy. *Victims of Yalta*. London: Hodder & Stoughton, 1977. Pp. 191, 201–202; Michael Alex Protopopov. Op. cit. Pp. 90, 377–378.

Ивана (имена обоих вымышленные), намного моложе его, с ней он познакомился на Украине, куда ее, по-видимому, привезли для работ немцы из какой-то другой части Советского Союза⁸⁰.

После войны

Разгром немцев и победа союзников в мае 1945 года поставили в сложное положение тех русских, кто добровольно или против своей воли оказался с западной стороны границы. Около миллиона русских и других советских граждан в немецкой военной форме поняли, что им грозит большая беда, поскольку западные союзники с полным основанием могли увидеть в них врагов, а Советский Союз – изменников родины. Тревожно стало даже тем военнопленным, которые не соглашались воевать на стороне немцев, поскольку Сталин ранее объявил их всех предателями, независимо от обстоятельств, при которых они попали в плен. Несмотря на обнадеживающие заверения со стороны Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации, оставалось неясным, в какой мере это заявление вождя все еще оставалось в силе. Повод для беспокойства появился и у остарбайтеров, потому что некоторые из них поехали в Германию по своей воле, а советская власть с подозрением относилась ко всем, кто пересек границу. Это не значило, что СССР не хотел возвращения этих людей – напротив, он настаивал на репатриации всех своих бывших граждан, включая жителей Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии. А среди перемещенных лиц большинство верили в то, что по возвращении в Советский Союз их ждут лагеря⁸¹.

Красная армия наступала с востока, американцы и британцы – с запада, и все три встретились в мае 1945 года в Берлине, после чего Германия и Австрия оказались де-факто поделены на советскую и западную зоны оккупации. Со временем оформились четыре оккупационные зоны: британская, американская, французская и советская. Наименее защищенной категорией, которой грозил арест или уголовное преследование за военные преступления, были лица, действительно воевавшие против Советского Союза: власовцы, постаравшиеся сдаться не наступавшей Красной армии, а американцам, и остатки Русского корпуса (к тому времени находившегося под командованием полковника Анатолия Рогожина), сдавшегося британцам. Из всех подразделений вермахта, сдавшихся западным союзникам, советскими гражданами оказались от 5 до 10 % – это поразительно много⁸².

---

⁸⁰ Jayne Persian. *Cossack Identities: From Russian Émigrés and Anti-Soviet Collaborators to Displaced Persons, Immigrants & Minorities*. 2018. Vol. 3. No. 26. P. 131.

⁸¹ В марте 1946 г. доля репатриантов, сосланных в лагеря, составляла в действительности менее 7 %, хотя еще 33 % были отправлены отбывать воинскую или трудовую повинность; советские органы, занимавшиеся репатриацией, старались найти репатриантам и жилье, и работу и опекали их. Тем не менее, нередко они подвергались дискриминации и осуждению со стороны местных властей, соседей и т. д. (Sheila Fitzpatrick. *The Motherland Calls...* Pp. 344 и др.).

⁸² Mark Elliott. *Op. cit.* P. 31. В другом месте (p. 97) Эллиотт приводит такие данные: 900 тысяч красноармейцев, захваченных [союзниками], воевавших в рядах вермахта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.